

Анна Артюшкевич

Хранители

Книга первая
Зона

Анна Артюшкевич

Хранители. Книга первая: Зона

«Издательские решения»

Артюшкевич А.

Хранители. Книга первая: Зона / А. Артюшкевич —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830906-9

Телевизионщики приезжают в аномальную зону на съемки фильма. Журналистка Лиза знакомится с профессором Родниным, который пытается выяснить причину гибели друга, утонувшего в озере. Между ними вспыхивает любовь. Но кто-то стремится приобрести землю с необычными свойствами... Телевизионщики выясняют: члены тайного мистического общества планируют чудовищный эксперимент по управлению человеческим сознанием, но для этого им нужно проникнуть в древний Архив, ключ от которого находится у Хранителей...

ISBN 978-5-44-830906-9

© Артюшкевич А.
© Издательские решения

Содержание

Круг первый	14
I	14
II	23
III	32
IV	39
V	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Хранители

Книга первая: Зона

Анна Артюшкевич

Наталье Багаевой-Белодубенко

Ларисе Розатко

Спартаку Северину

с благодарностью...

© Анна Артюшкевич, 2018

ISBN 978-5-4483-0906-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тихо поскуливая, я смотрела в окно...

Плескалось небо в озерах-стеклах... Крошились льдинки под ногами прохожих... Алмазная пыль таяла, асфальт сох и становился белесым. Дышал ветер, звенела капель, – мир был чересчур ярким и слишком громким. Но я знала: звуки растянутся, станут шершавыми как наждак, а прозрачная акварель превратится в размытое, тусклое полотно...

Я до смерти боялась этого состояния, которое пыталось одолеть меня ранней весной или поздней осенью, – у меня начиналась депрессия.

Сначала в мозг заползала тревога, и все внутри начинало дрожать и сжиматься. Потом медленно гасли оттенки и запахи, и я оставалась вне времени, без желаний, в пыльном коконе, откуда нельзя было выбраться. Снаружи сквозь серую пелену маячил чужой и враждебный мир. Его очертания блекли, потом он стирался полностью. И не хотелось ни есть, ни пить, ни спать – ничего не хотелось! И это было хуже всякой пытки.

И когда жить становилось невыносимо, я просила себя еще чуть-чуть потерпеть... Пленка лопалась, плотная масса расслаивалась, и наступала полнейшая тишина.

В огромное, гулкое и пустое пространство начинали просачиваться чистые, словно отмытые звуки и краски... И я понимала: жизнь становится ненужной не тогда, когда очень плохо, а тогда, когда никак.

Я бы справлялась с бесцветным и пресным кошмаром, если б он длился не больше недели. Но в нем приходилось жить месяцами, и я бы врагу такого не пожелала.

На сей раз к депрессии меня подтолкнул фильм о печальном, влюбленном киллере. Актер в его роли напомнил мне первую и единственную любовь, и я захлебнулась в потоке времени, хлынувшем из прошлого.

...Он был на пятнадцать лет старше и на рассвете, отогнув штору, наблюдал, как я прощаюсь со сверстниками. А когда появлялась я, глаза у него становились беспомощными. Он отводил их и молчал. Мне же безумно хотелось, чтобы он закричал и разбил что-нибудь! Я была уверена: раз не ревнует, значит, я ему безразлична, значит, он совсем не боится меня потерять...

Я любила его до беспамятства, но мне нужно было хотя бы однажды, хоть на секунду почувствовать его ревность... И лишь потом от наших общих друзей я узнала, как тяжело и болезненно переносил этот сильный, красивый человек мое сумасбродство и дикую необузданность.

Но я была молода и глупа. И, устав от моих фокусов, он просто ушел, а мне самолюбие не позволило бежать следом. Внутри меня что-то разбилось, и ледяной острый осколок застрял где-то в области сердца. Иногда он ворочался, я просыпалась и бездумно глядела на смутные тени от веток, вздрагивающие на стенах. Их незаметно стирал рассвет, я пила кофе, выходила на улицу и почему-то оказывалась в незнакомых уголках города.

Потихоньку осколок покалывал все реже, но я знала: в любой момент меня может пронзить ни с чем не сравнимая боль.

А потом был университетский диплом, и прекрасное, сумасшедшее телевидение... Я моталась по командировкам, заполняя свободное время друзьями, развлечениями и поклонниками. И всегда неосознанно искала среди них того, кто хотя бы на мгновение напомнил единственного мужчину, которого я никогда не переставала любить...

...После фильма хотелось выть. И я заметалась по городу в поисках друзей, чтобы излить запоздалое раскаяние. Но друзья ничего не поняли и сочли это очередной блажью. А друг Спартак, которого я подняла среди ночи, зевая, пробормотал в трубку, что у меня открылись заросшие паутиной чакры. Но такова сила искусства, и с этим уже ничего не поделаешь!

Жить с открытыми чакрами было трудно. И подруга Лариса, обожавшая психологические тренинги, посоветовала:

– Твое идиотское состояние фильм наваял? Так покопайся в Интернете, найди интервью актера! Может, он полный кретин? Отрицательные эмоции погасят впечатление от образа, и ты опять придешь в норму!

Совет был дельный. Я нашла пару интервью, но, актер, на беду, оказался умным, и ставка на кретинизм провалилась. Я еще острее вспомнила былую любовь и затосковала по-настоящему. Навела справки: мой друг уехал сразу после разрыва, а куда, неизвестно... Да и что бы я сказала, если б нашла его? Что хочу вернуть все обратно? Но так не бывает! Он, наверное, обзавелся семьей, да и сам изменился настолько, что от него, прежнего вообще ничего не осталось...

Я пугала знакомых невменяемым видом, то шарахалась от них, то приставала с бессмысленными речами... Процесс стал закрепляться в хронической стадии, и друзья, наконец, осознали его серьезность. Они попытались меня развлечь, но депрессия уже заполняла клетки моего организма. И тут, прямо в тревожное мартовское утро позвонил старый друг и коллега Сорин.

– Чем занимаешься? – поинтересовался он после приветствия.

– Страдаю, – тускло ответила я, собираясь бросить трубку.

– Если нужны деньги, отложи страдания и появись в «Мутном глазе», – деловито предложил Сорин. – Кстати, депрессия в наше время – баловство, барство и отдых для шизофреников. Не надо накапливать в себе негатив, чтобы не растворять его потом в пессимизме.

Мысль оригинальностью не отличалась. Стараясь унять дрожь, я начала собираться. Вышла на улицу и подумала, что на сей раз мне, пожалуй, удастся справиться: звонок Сорина представлял для меня интерес и прервал процесс в самом развитии.

Пару месяцев назад я уволилась с телевидения, где с ума начинала сходить от растущего идиотизма: оно уже ничем не напоминало ТВ, где мы когда-то сутками обретались ради пьянящего слова «творчество». И меня сразу же пригласили в несколько печатных изданий.

Я заглянула в них, полюбовалась пудовой грудью неизвестной мне Маши М., ужаснулась при виде громадных слизней-мутантов и умилилась, почитав о нежной любви пекаря Васи к парикмахеру Арнольду. В общем, издания-близнецы потрясли меня своим новым обликом! Не то, чтобы он стал открытием: мутация СМИ произошла не вчера, но одно дело – пробежать

пару страниц на досуге, и совсем другое – проглотить содержимое кучи печатной продукции за минимальный отрезок времени!

Я напрягла память и удивилась: массовое перерождение случилось быстро и незаметно, словно по взмаху палочки невидимого режиссера. И это озадачивало.

После убойной дозы публикаций стало ясно: мультик о докторе Айболите можно было создать не позже 80-х, поскольку в наше время Бармалея, которому «не надо ни шоколада, ни мармелада, а только очень маленьких детей», непременно записали бы в педофилы. А старая песня о «голубых городах», подрастающих за день на целый этаж, запросто могла бы стать бодрым гимном гей-парадов! Впрочем, были еще песенки про голубой вагон и волшебника в голубом вертолете...

Я не страдала фобиями и считала, что каждый волен любить, кого хочет. Даже ежика, если тот не против. Но мои знакомые мужчины оберегали интимную жизнь от посторонних, и я никак не могла взять в толк, почему же их соплеменники, пылая страстью к представителям своего пола, непременно должны заявлять об этом на манифестациях, да еще в полуголом виде и под бой барабанов? И о каких однополых браках может вестись речь, если семья по определению создается для того, что рожать и воспитывать в ней детей?

Я долго листала разномастную прессу, пытаюсь понять, почему общество мгновенно так изменилось? А потом плюнула и выкинула периодику на помойку, не подозревая, что вспомню и этот вечер, и свои размышления над кипой газет и журналов спустя несколько месяцев в связи с чередой загадочных и зловещих событий. Но в тот момент нужно было думать о хлебе насущном.

Дефективной мне притворяться не хотелось, а там, где этого делать не пришлось бы, и без меня журналистов хватало. И после долгих раздумий, я выбрала видеоцентр, с которым сотрудничали коллеги, покинувшие родные пенаты: в центре можно было делать документальные фильмы и продавать их местным телеканалам и за рубеж.

Этот вариант поддерживал Сорин, талантливый режиссер, отличный оператор, а, заодно, мой надежный, испытанный друг. С ним мы когда-то, изрядно рискуя, снимали программы о Чернобыльской зоне, криминальных чиновниках, бомжах, свалках, и рыночной мафии. Я знала, что Димка завершает работу над очередным шедевром, и по дороге ломала голову: каким это образом может материально осчастливить меня?

Кафе «Мутный глаз» официально считалось «Театральным» и в полную силу функционировало после спектаклей. Среди завсегдатаев – актеров, телевизионщиков, журналистов всегда околачивалась парочка косивших под продюсеров гэбистов, которых интересовали последние идеологические веяния в творческой среде. Попадались и случайные посетители. Агентов мы знали в лицо и были с ними на «ты», а среди посторонних встречались прелюбопытные экземпляры.

Однажды в кафе заглянул англичанин, которого приютили за столиком ребята из Экспериментального театра. Братание затянулось на несколько дней у одного из актеров на даче. А после банкета выяснилось, что иностранный гость – крупный режиссер, проездом оказавшийся в наших пенатах. Через два месяца «экспериментальщики» в полном составе слиняли за рубеж, и театр развалился. С тех пор в «Мутном глазе» было не протолкнуться. Хотя, по слухам, в остальных труппах актерам негласно запретили посещать роковой общепит.

Я подъехала, когда народ еще не собрался. Потянула за ручку и налетела на высокого плечистого парня, выходившего из кафе. Тот посторонился и придержал дверь. Я прошла, оглянулась: мужчина сидел в машину. Мелькнул длинный шарф, край бежевого пальто, седая прядь в гриве темных волос и насмешливый взгляд ярко-синих глаз, которым он полоснул меня...

«Надо же!» – почему-то подумала я. И почувствовала вдруг озноб и странную пустоту в груди. Такого со мной еще не случалось. Некоторое время я, раскрыв рот, созерцала хвост ускользающей машины... Потом очнулась, сделала шаг, услышала стон и ощутила под ногой

что-то мягкое. Глянула вниз: моя увесистая платформа попирала дорогую туфлю сорок третьего размера. Подняла голову, ничего толком не разглядела, на всякий случай кокетливо улыбнулась и ринулась в зал.

За вторым столиком от входа сидел Сорин и с интересом наблюдал за моим появлением.

Я плюхнулась на стул и залпом выпила полстакана воды. Димка налил еще и ехидно заметил:

– На месте хозяина «Мутного глаза» я бы платил приличные бабки за то, чтобы ты хоть изредка посещала заведения конкурентов.

Я вопросительно уставилась на него. И Сорин пояснил:

– Ты бы всех посетителей там распугала!

И добавил:

– Дай-ка зеркальце!

Я порылась в сумке и протянула зеркало. Димка раскрыл его и сунул мне под нос:

– Ты давно себя видела?

Я глянула: волосы растрепались, помада размазалась, в глазах стоял мрак, в, общем, облик явно не соответствовал стандартам. Но меня это не смутило. Я никогда не испытывала дефицита мужского внимания, не прилагая к этому особых усилий. Порой, оно меня даже утомляло. Поэтому в моменты душевных смятений могла наплевать на внешность: серьезно повлиять на мое обаяние это все равно не могло.

Я вытерла помаду и спросила:

– Ты что-то о деньгах говорил?

Деньги у меня почти закончились, так что тема была актуальной.

Сорин вздохнул с облегчением:

– Ну, слава Богу, я вовремя позвонил! А то слух появился, что на тебя опять накатило.

И объяснил, что смонтировал фильм и хотел обойтись без закадрового текста, но просмотрел ленту еще раз и понял, что тот необходим. И сейчас просил написать, а затем читать его. Уточнил, чего хочет, вручил кассету, дал два дня сроку и обещал хорошо заплатить. Заключение договора отметили шампанским и приятной беседой. Димка рассказывал о картине и общих знакомых, но вдруг стукнул себя по лбу, извлек из сумки стеклянную фляжку с прозрачной жидкостью и протянул мне:

– Привез из деревни со съёмок!

– Самогон? – удивилась я.

– Целебная вода из святого источника, – возмутился Сорин, поглядывая куда-то через мое плечо. – Помогает от всех болезней! Восстанавливает психику и увядшую красоту. Специально для тебя.

Я проигнорировала комментарий и воду взяла. И с любопытством спросила:

– Куда ты все время таращишься?

– Твоя вторая жертва вернулась, – засмеялся Димка. – Сейчас станет требовать компенсацию за моральный и материальный ущерб.

Я оглянулась. За столиком наискосок пил кофе парень, которому я отдала ногу. И он так напоминал мою первую любовь, что у меня потемнело в глазах. Даже легкий наклон головы был точно таким же!

Наблюдавший за мной Сорин с досадой заметил:

– Ну, когда ты поймешь, что невозможно ступить в ту же реку дважды? Я не видел того, кого ты любила, но нельзя же всю жизнь гоняться за призраком!

Он хорошо изучил мой вкус и однажды так охарактеризовал тип мужчин, которые мне нравились:

– Шкаф, заполненный интеллектом, что, само по себе, нереально.

И, подумав, добавил:

– С трудной судьбой и налетом порока. А еще с долей цинизма и обязательным чувством юмора.

Не знаю насчет порока, но в остальном Димка был прав. И с мужем я развелась потому, что тот не соответствовал образу. Хотя Сорин сказал:

– Да ты его просто не любила!

Я украдкой поглядывала на пострадавшего, ощущая, как тепло разливается по телу, и с умилением думала, что судьба может быть не только индейкой, но и прекрасной синей птицей!

Сорин предложил подвезти, но я отказалась: нужно было пробежаться по магазинам. В третьем по счету меня нагнал незнакомец из кафе. Я разглядывала тюбики с помадой, и вдруг через плечо протянулась рука с веточкой мимозы. Я обернулась.

– Алексей! – улыбаясь, представился парень.

Начало было красивым. А потом мы гуляли по городу и болтали. Алексей оказался юристом и совладельцем какой-то конторы. А еще собирался защищать диссертацию. Мы целовались в скверике, он проводил меня домой и попросил разрешение позвонить утром. Я, естественно, разрешила.

Вечером пригубила воду, подаренную Димкой, и, на всякий случай, протерла ею лицо.

...А ночью мне снилось озеро.

Я низко парила над гладью и вглядывалась в глубину. В глаза отсвечивала поблескивающая поверхность, вздрагивающая от ветра, а потом блеск исчез, и вода стала прозрачной. Она состояла из пластов разных оттенков, которые медленно двигались, не перемешиваясь, и казались такими плотными, что я боялась упасть и разбиться.

Вдруг снизу возник зеленый луч и пополз ко мне, пробивая водную толщу. Меня охватил ужас. Но на озеро упала тень от силуэта, стоящего на берегу, и я почему-то успокоилась.

Наутро позвонил Алексей, договорился о встрече, и наши отношения стали быстро набирать обороты. Депрессии словно и не бывало!

Я написала текст, озвучила Димкин фильм, сделала пару программ. И почти каждый вечер встречалась с Лешей. Он оказался отличным парнем, с ним было легко, словно мы знали друг друга вечность. А потом вдруг возникло чувство, что лучше бы он оставался лишь другом. И зоркий Сорин как-то сказал:

– Ты бы призналась Алексею, что не любишь. Он ведь надеется!

– На что?! – изумилась я.

– На все! – разозлился Сорин. – Ты что, думаешь, только бабы на нас виды имеют, а наоборот не бывает?

Я удивилась, обещала с Алексеем поговорить, но все как-то не получалось.

А однажды он пригласил меня в ресторан, где его коллега в интимном кругу собирался отмечать защиту кандидатской. Приглашение совпало с важным событием и в нашей жизни: на международном конкурсе документальная лента Сорина, которую я озвучила, взяла один из призов. И Леша предложил:

– А давайте объединим эти два торжества!

Мне мысль удачной не показалась. Сорину тоже. Но, к нашему удивлению, остальные ребята, работавшие над фильмом, обрадовались:

– А почему бы и нет? Нам все-таки интересно, что за герой так легко охмурил тебя после затяжного периода сумасшествия?

На торжество в ресторане собралось десять человек. Я была единственной женщиной и купалась в потоках внимания. Лешины приятели с вежливым интересом рассматривали меня, мои друзья откровенно изучали их. Потом все выпили, перезнакомились, и началось сдержанное веселье. Смущал только Сорин. Поглядывая исподлобья то на Лешу, то на меня, он почему-то все больше хмурился. Потом предложил покурить и мы вышли.

- Ну что? – спросила я, теребя сигарету, поскольку решила завязывать с табаком.
- Ты говорила с Алексеем? – сухо поинтересовался Димка.
- О чем? – удивилась я.

Потом вспомнила и призналась:

- Пока еще нет, успею.
- Уже не успеешь, – отрезал Сорин. – Ты что, не поняла, что это смотрины? Твой Алексей положительный парень и решил логически завершить ваши отношения.
- Да с чего ты взял? – опешила я.
- Все это поняли, кроме тебя, – осуждающе заявил Димка. – А теперь ты ставишь хорошего человека в жуткое положение.
- Посоветуй, что делать? – взмолилась я.
- Отвечать за свои поступки, – процедил Сорин.

У меня испортилось настроение, и мы вернулись за столик. Но я надеялась, что Димка все же ошибся: слишком недолго длилось наше знакомство с Лешей. Да и заподозрить, что я хочу усложнить приятные отношения, повода не было! Но в середине вечера Алексей встал и попросил внимания. Я сделала страшные глаза, он запнулся, но все-таки сформулировал предложение. Сорин обреченно наблюдал за спектаклем.

Леша шагнул вперед, и, похоже, собирался пасть на колени... Но, увидев мое лицо, споткнулся и протянул коробочку с кольцом через стол. Его друзья умилились. Мои пришли в восторг и, затаив дыхание, ждали ответной реакции. Но я так растерялась, что сидела, как истукан, держа символ любви на вытянутой ладони.

Пауза становилась неловкой. Леша понял: что-то пошло не так! И, не ожидая ответа, сбивчиво сообщил, что через месяц мы, видимо, отправимся к морю, а потом сообщим всем о дате свадьбы.

Димка осторожно взял коробочку, поставил возле меня и тихо сказал:

- Только не заводишь и не порти всем настроение. Ты сама во всем виновата!

И, не моргнув глазом, объявил:

– К сожалению, ваши планы придется отсрочить. Сегодня из Международного культурного фонда пришла заявка на съемки документального фильма об историческом наследии. Снимать его будем мы с Лизой. Из-за хлопот, связанных с вручением приза, я просто забыл сообщить об этом.

Присутствующие проглотили наживку, а Леша понурил голову.

- Ты все выдумал? – тихо спросила я у Димки.
- Почему выдумал? – пожал тот плечами. – Есть такая заявка и, по-моему, в ней единственное твое спасение! Берешься?

- Ну, конечно, берусь! – восторженно зашептала я.

Вечер подошел к концу. Народ стал прощаться и обмениваться телефонами. Леша поймал такси и поехал меня провожать. В машине я протянула ему коробочку с кольцом.

- Это отказ? – грустно спросил он. – Ты ведь даже его не примерила!

– Леша, – сдерживая раздражение, сказала я, – ну, зачем нужно было ставить меня в неловкое положение? Почему не посвятил в свои планы заранее?

– Так для тебя наши отношения ничего не значат? – растерялся он. И мне стало жаль незадачливого любовника.

– Ну, почему же, – попыталась я объяснить, – но мы слишком мало знаем друг друга. А разводиться еще раз мне не хочется.

– Может, ты и права, – подумав, кивнул Леша. – По крайней мере, сегодня я такого финала не ожидал. Только прошу: оставь кольцо у себя и обдумай мое предложение! Тем более, что из-за незапланированных съемок образовался дополнительный запас времени.

– А куда нам спешить? – легкомысленно отозвалась я. Леша искоса посмотрел на меня, но ничего не сказал.

В эту ночь мне впервые приснились бестелесные фигуры, возникающие из темноты возле озера. И, проснувшись, я долго лежала, оцепенев от ужаса.

Придя в себя, ринулась в ванную, включила контрастный душ и под бодрящими струями вспомнила, что с появлением Алексея в мою жизнь вошла еще одна странность: на улице, в кафе, в транспорте я иногда затылком чувствовала чей-то взгляд, краем глаза ловила отражение тени в витрине... Оглядывалась: никого! Только воздух дрожал, словно сгущался, а потом мираж таял... Но я не могла ошибиться, ощущая тягостное присутствие за спиной... А, порой, что-то невидимое возникало прямо передо мной, и смотрело в упор... Я испуганно, слепо таранилась по сторонам, и у меня дервенел позвоночник...

Лишь однажды мой взгляд зафиксировал смазанный силуэт в длинном легком плаще, да блеснул тускло золотом перстень с темным и плоским камнем. Иногда мне казалось, что я схожу с ума... Но видения прекращались, и я списывала мираж на расшатанные нервы. А потом все повторялось снова...

Я понятия не имела, что делать. Рассказать о происходящем? Но кому? В лучшем случае мне бы никто не поверил, ну, а в худшем... О худшем я старалась не думать: а вдруг и впрямь у меня что-то с психикой?

Осторожные разговоры с Лешкой картины не прояснили: мой друг удивленно сказал, что врагов у него нет, и с криминалом он тоже никак не связан.

– А с иллюзионистами? – с надеждой спросила я.

Алексей поперхнулся, стал заботливо расспрашивать меня о здоровье, и я быстро свернула тему. Так что съемки, которые сосватал Сорин, оказались весьма кстати: трудотерапия, природа и удаленность от цивилизации должны были либо меня излечить, либо внести в ситуацию ясность.

Наскоро попив кофе, я понеслась в видеоцентр подписывать договор. И сразу же началась подготовительная работа. Съемки планировалось вести недалеко от Ружевичей на берегу уникального озера, окруженного раритетными руинами с удивительным прошлым.

Я лихорадочно изучала материал и писала синопсис. Его утвердили, трудовые резервы распределили, и завтра мы на машине Димки отправлялись на съемки. Первые два дня со мной должен был работать рыжебородый Жора Лисовский, пока Сорин доснимал фильм, для финала которого требовалась летняя натура. Затем Жору перебрасывали на новый проект, а мы с Димкой трудились в одной упряжке до победного конца.

Заказчиков интересовали достопримечательности, отмеченные историей и обрамленные пейзажами, и я предложила подавать их через легенды, которыми изобиловали наши края. Сорин же выдвинул гениальную идею снимать материал про запас и лепить потом ролики для турагентств. Это могло принести неплохие бабки: если бы ролики понравились, мы могли бы смонтировать еще пару рекламных фильмов.

Бедный Леша совсем расстроился:

– На это же дополнительное время уйдет, вы ведь, по сути, три картины делать решили! Если тебе деньги нужны, так и скажи! И, вообще, приняла бы мое предложение, могла бы и не работать.

Сорин, присутствовавший при разговоре, насмешливо взглянул на меня, а я совершенно серьезно сказала:

– Когда разведемся, тоже меня содержать будешь? Неужели не понимаешь: если сейчас уйду сейчас из профессии, мне потом лишь одна дорога – в дворники?

Лешу, по-моему, мои слова о разводе покорили, а я с грустью подумала, что мы с ним общаемся на разных языках. Я не умела растворяться в семейном уюте и ловить от этого кайф. Мне нужно было делать что-то и для души, тем более, что у меня это получалось. И я не могла

материально зависеть от мужчины, поскольку близкие отношения всегда нуждаются в ощущении добровольности и свободы. Мне было странно представить, как у любовника или мужа можно кланчить деньги, униженно объясняя, на что они будут истрачены. Впрочем, это была лишь моя позиция, на которой я не настаивала.

Лешкин «сюрприз» в ресторане всерьез меня огорошил, и теперь я с досадой думала, что же делать? Алексей был красив, порядочен и умен, очень нравился женщинам и мог осчастливить лучшую из них. Но мне не хотелось оставаться одной, а он был единственным, кто не вызывал у меня раздражения. По крайней мере, на данном этапе, заполненном цветами, шампанским и недолгими встречами. С Лешей было надежно и хорошо, правда, слишком уютно и беспроблемно. Он пытался уберечь меня от тлетворного влияния внешнего мира, но жизнь без экстрима и остроты превращалась в безвкусную манную кашу...

В общем, я прикидывала и так, и эдак, а потом вздохнула и решила не портить парню жизнь. Хотя, если честно, рвать отношения не хотелось, и если бы не его блажь по поводу женитьбы, я бы цеплялась за них до конца. Чтобы укрепиться в мужестве, позвонила подруге Наталье, обретавшейся у родственников на Урале, и рассказала об Алексее, об его сходстве с человеком, которого когда-то любила, и о сделанном предложении.

– Ну, и что? – недовольноотреагировала она. – Не знаешь, как поступить? Определись сначала, как ты к нему относишься?

Я молчала.

– Ладно, – через паузу сказала Наталья, – ставлю вопрос по— другому: тебе снова замуж хочется?

– Нет.

– Так чего ты мне голову среди ночи морочишь? – разозлилась она и бросила трубку.

Я представила, как мы с Лешкой чистим зубы и дружно жуем на завтрак яичницу, а вечером обсуждаем расцветку обоев или марку новой машины. Или еще что-нибудь не менее увлекательное. И так продолжается изо дня в день! Зажмурилась, затрясла головой и с чистой совестью отошла ко сну.

...Белые фигуры медленно приближались, а за спиной постанывало и всхлипывало болото. Холодея от ужаса, я перекрестилась, сделала шаг вперед и начала погружаться в воду. Дна под ногами не было. Голова наполнилась звоном и безразличием, и стало понятно: агонию надо заканчивать. И я выдохнула воздух...

И сразу прохладная живая субстанция заполнила легкие... Меня безудержно повлекло вниз, к мигающим разноцветным огням. Последнее, что отметил мозг, оказалось странным предметом, дрожащим под толстым слоем воды. И чьи-то огромные прозрачные глаза без лица, с любопытством разглядывающие меня...

Я судорожно вздохнула, и проснулась. Почти каждую ночь после знакомства с Лешей мне снился один и тот же повторяющийся до мелочей сон. И всякий раз я испытывала леденящий страх, от которого долго не могла прийти в себя. Была еще одна странность: каждое новое сновидение продвигало сюжет во времени и добавляло детали. Эта ночь принесла огромный длинный предмет, вспыхивающий огнями, и осмысленные глаза, существующие вне тела...

Удивительно, но жуткую обреченность вызывала не бездна, а белесые силуэты на берегу, не касающиеся земли. Лишь уверенность в том, что рядом находится кто-то невидимый, но очень надежный, не давало панике овладеть мною. И этот «кто-то» занозой вонзился в мое подсознание совсем недавно... Почему-то никак не удавалось его вспомнить, но холодный осколок в сердце с тех пор затих и уже не будил меня по ночам. А еще я знала: в зеленой бездне скрывается что-то важное, и мне необходимо это увидеть.

Зазвонил телефон. На часах было три, я чертыхнулась и подняла трубку.

– Не вздумайте ехать в Ружевици, – голосом Азазело провещали на другом конце провода, – а не то пожалеете!

– Да пошел ты! – с чувством сказала я, решив, что это развлекается кто-то из выпивших коллег. Выдернула шнур из розетки, повернулась на другой бок и уснула. И снова мне снились белые призрачные фигуры. И огромные завораживающие глаза, которые, не мигая, смотрели на меня сквозь огромную толщу воды...

Круг первый
К первому кругу человечества относятся
люди, у которых центр психической
жизни совмещен с двигательным
центром. У таких людей двигательная и инстинктивная
функции превалируют над всеми остальными...

I

Сорин появился под окнами в восемь утра. Там уже дежурила машина Леша.

– А ты что тут делаешь? – удивилась я, спустившись во двор.

– Хочу проводить вас и провести день на природе, – смущаясь, объяснил Алексей.

И застыл в ожидании, поскольку врожденная деликатность не позволяла ему навязываться.

– Конечно, поедем! – ободрил его Димка. – Хочешь на моей тойоте? А вернешься автобусом?

– У меня вечером деловая встреча, и я не могу зависеть от транспорта, – отказался Леша.

– Я сяду к тебе, а Сориная развлечет Жорка, – решила я. И Алексей бросил на меня благодарный взгляд.

Заехали за Жорой, отоварились в супермаркете, и наша командировка началась. По дороге я объясняла Алексею, почему именно Ружевичи мы выбрали для съемок.

Это было странное, невероятно красивое место. Руины древней церкви, лесное озеро загадочного происхождения и останки старинного замка располагались в углах равностороннего треугольника, внутри которого, по слухам, была аномальная зона. Вернее, зона охватывала и прилегающее пространство, но наиболее активно она проявляла себя именно в Треугольнике. Там периодически происходили необъяснимые явления, явно преувеличенные местным населением. Но одно, похоже, действительно имело место.

После Чернобыльской аварии зона стала одним из «пятен», куда выпало опасное количество радиоактивных осадков, жителям окрестных деревень даже «гробовые» платили. И вдруг радиация куда-то исчезла! Власти об этом «наверх» не сообщали, чтобы людей не лишили выплат. А еще боялись обвинения в том, что с самого начала произошла ошибка, и полученные на социальные программы и строительство деньги придется вернуть.

– Но радиация действительно была? – спросил Леша.

– Это научно установленный факт.

– Так куда же она подевалась?

– А вот это научно не установлено.

– Мистика какая-то! – удивился Алексей. – Так, может, элементы все еще распадаются?

А у тех, кто измерял радиацию, просто дозиметры не работали?

– Исключено, – твердо сказала я. – Мы туда знакомых физиков-ядерщиков с аппаратурой возили.

– Что же их не заинтересовала такая сенсация?

– Ребята были из Москвы и местности не знали. А мы объяснили, что хотим удостовериться в ее безопасности, поскольку там предполагается открыть профилакторий.

– То есть, вы правду не говорили?

– Нет, конечно!

– А профилакторий открыли?

– Правильнее сказать: он возобновил работу.

– Так вы фильм об этом снимать собираетесь? – уточнил заинтригованный Леша.

– Ты с ума сошел! Я тебе обо всем по секрету рассказала. А наша картина об истории мест, о традициях и легендах, переплетающихся с реальностью, о людях, которые там жили. В радиусе тридцати километров от Ружевичей в любом направлении можно найти еще, минимум, пару достопримечательностей и озер. Так что разбить бивуак в профилактории очень удобно и даже выгодно.

Я чувствовала вину перед Лешей и развлекала его, как могла. А он не утратил способности удивляться и, затаив дыхание, слушал, как на месте языческого капища был построен замок, где зарождалась любовь, пережившая века. И о круглом, глубоком, как чаша, озере, возникшем много столетий назад на месте города-крепости, о колокольном звоне, который доносится из его глубины, и о светящихся фресках в руинах старинной церкви.

– И обо всем этом будет ваш фильм? – с восторгом спросил Леша. Я кивнула.

– Как жаль, что не могу остаться в Ружевичах хотя бы на пару дней! – жалобно сказал он.

– Не горюй, станешь навещать нас на выходные, – бодро заметила я. – Съемки будут зависеть от погоды, и, судя по прогнозу, могут продлиться довольно долго.

Сорин снимал своей камерой, так что технически мы от видеоцентра не зависели. Да и график имели свободный, поскольку определена была лишь дата сдачи картины.

Машина свернула налево, и с обеих сторон потянулись старые ели.

Меня с детства завораживали четыре вещи: лес, камни, вода и ночное небо. А еще я дружила с ветрами и никогда не смогла бы жить на равнине.

Мне приходилось бывать на Полесье, где абсолютно плоская поверхность земли походила на фантастический пейзаж иной планеты. Он околдовывал и сводил с ума одновременно. Небольшие блюдца воды, окаймленные кустарником, напоминали о легендарных болотах, осушенных десятилетия назад. Их распахали, засеяли, но земля начала рассыпаться в прах... Оказалось, что трясина служила резервуаром влаги для всей Европы. И тогда люди поняли: нельзя трогать то, что дарит природа! Без болот стал меняться климат, и ушла необычная энергетика этих мест, питавшая знахарей и экстрасенсов, которыми славились здешние края. О некоторых помнили до сих пор. Мне показали, где жила ворожея красавица Алеся, околдовывавшая когда-то Куприна и ставшая прототипом юной колдуньи, сыгранной Мариной Влади.

Вообще-то, паранормальными способностями страдали многие мои сограждане. Я знала железнодорожника, который запросто заживлял раны и лечил кожные болезни. А знакомая женщина-математик корректировала направление жизненного пути, избавляла от опухолей, в том числе, злокачественных, и помогла, по слухам, очень многим.

А однажды в командировке местный зоотехник, в жилах которого текла и цыганская кровь, раскинул карты и предсказал мою жизнь до самого конца. Я отнеслась к этому легкомысленно, но спустя пару лет поняла, что судьба разворачивается в полном соответствии с его гаданием. Меня трудно запрограммировать, и поэтому выходило, что я знаю даже дату своей смерти. Нынешним же летом, как показали карты, со мной должно было случиться что-то важное, и это меняло мою жизнь в корне.

Истинные целители и экстрасенсы не светились в телешоу: видимо, срабатывал инстинкт самосохранения на генетическом уровне. Но стоило намекнуть знакомым, что нужен определенный специалист, как через неделю кто-нибудь сообщал координаты. Это было естественно для населения, которое привыкло ничему не удивляться, мирно соседствовало с такими сложными организмами, как водоемы и лес, и бережно хранило знания предков, от которых попыхивало язычеством.

...Следуя за Димкиной тойотой, мы уперлись в пастбище. Обьевишийся рогатый скот, разлегшись на траве, меланхолично пережевывал жвачку. Поодаль лысый старик с подростком-подпаском обедали салом, зеленым луком, хлебом и молоком, и изредка покрикивали на стадо. Похоже, местный люд жил скудно, но духовно: вместо Марий и Марианн, коров поголовно величали Катями в честь незабвенной Кати Пушкаревой. А это означало, что сериалы здесь смотрят, любят и помнят очень долго.

– А вон того парнишку в честь твоего любимого актера назвали, – ехидно заметил Сорин, кивнув на огромного красавца-быка, которому подпасок сделал внушение. – И глаза такие же выразительные!

Быка звали Спецназом.

Подросток обиделся: – Мы ему в честь вооруженных сил имя дали! Он 23 февраля родился!

Ребята засмеялись. А я показала Димке язык и вручила мальчику шоколадку, которой угостил меня Леша. Сорин спросил дорогу в профилакторий. Старик с подпаском переглянулись.

– Заблудились? – спросил подросток, разворачивая обертку.

– Вы туда на отдых или как? – поинтересовался дед.

– На пару недель в командировку, – объяснил Димка.

Паренек с облегчением вздохнул и посоветовал:

– Только в желтое здание не селитесь.

Дед на него шикнул. Я удивилась:

– А почему?

– Нечисто там, – объяснил мальчик, жуя шоколадку и не обращая внимания на босса. – А еще по одному в озере не купайтесь. И чаще часы сверяйте!

Алексей с беспокойством взглянул на меня и дернул Сорина за рукав:

– Дима, а, может, не стоит здесь снимать?

– Да ничего с нами не случится! Мы в этих местах не раз бывали и, как видишь, живы-здоровы, – отмахнулся Сорин.

– Раз не случилось, два не случилось, а на третий обязательно случится, – мрачно предрек старик, жуя лук и поглядывая на остатки шоколада. На этой пессимистической ноте переговоры закончились, и мы отбыли в Ружевици.

Вскоре обе машины въехали на территорию профилактория. Миновали сауну на берегу озера, обогнули теннисный корт и затормозили возле серого трехэтажного здания. Это был гостиница, где останавливались командированные: новый «отель» в райцентре строили уже три года. В стороне от нее перпендикулярно стоял желтоватый панельный корпус для отдыхающих, о котором предупреждал пастушок. А перед ним – два строения, где размещались администрация, медики и процедурные кабинеты. Они были мало укомплектованы, а, вернее, почти не укомплектованы, поскольку здесь не столько лечились, сколько наслаждались природой.

Мы подозревали, что официально комплекс еще не работает, а наличные средства от его эксплуатации нигде не фиксируются и используются для нужд района. Но нас это мало интересовало. Глава районной администрации был приличным человеком и старался выкрутиться, как мог. А если способ, которым он добывал средства, не умещались в прокрустово ложе законодательства, то, наверное, было что-то не так в самом законодательстве.

Администратор встретил нас, как родных, и поселил в одноместных просторных номерах. Народу в гостинице проживало немного, и можно было не беспокоиться, что затянувшийся ужин у веселого соседа перечеркнет сон на целую ночь.

Мы разбрелись по комнатам, разложили вещи и привели себя в порядок. А потом собрались у Димки, уточнили план ближайших действий и решили отметить приезд шашлыками.

Жора отправился к повару кланчить мясо, а нас посетил сюрприз в лице Игоря Фомина с девушкой Аленой.

Фомин был отличным режиссером и невероятным пройдохой. Нутром чуя конъюнктуру, он сумел лихо засветиться несколькими скандальными лентами на международной арене, а недавно пристроился к видеоцентру и даже слыл каким-то куратором от этой организации. Зрелая девушка Алена была высокой костистой крашеной брюнеткой с длинными волосами, челкой над широким носом, выдающимся подбородком и румяными пухлыми щеками. Двумя ее несомненными достоинствами считались невероятная целеустремленность и такое же невероятное терпение. Эти качества помогли ей в охоте на первого мужа, которому она за пять лет охмурежа сумела внушить, что является единственной, необходимой ему женщиной. А после развода Алена взялась за Фомина. Но с ним ее фокусы не прошли. И все же девушка с лошадиным упорством пыталась надеть на него хомут брачных отношений, поглядывая одновременно по сторонам в поисках более податливого экземпляра. Но, в сущности, она была неплохим человеком и очень хорошим монтажником.

– Привет! – сказал Фомин и чмокнул меня в щеку.

На лице Сорина появилось укусное выражение. Он почему-то Игоря терпеть не мог.

– Какими судьбами? – сухо спросил Димка.

– Да так, погода хорошая, на природу захотелось, – легкомысленно сообщил Игорь. – Вспомнил, что у вас съемки в живописных местах, дай, думаю, навещу! А, заодно, и расслаблюсь немного.

Объяснение не выдерживало никакой критики, и Сорин насторожился.

– И долго расслабляться собираешься? – поинтересовался он.

– День, два, в зависимости от обстоятельств, – объяснил Фомин. – Может, шашлыки вечером организуем? Я отличного красного вина захватил!

– Жора уже пошел за мясом, – вмешалась я, желая разрядить обстановку.

– Вот и хорошо, – одобрил Фомин – Мы с мужиками его замаринуем, а вы, девочки, погуляйте пока по окрестностям.

Появился Леша, который возился с машиной. Его познакомили с Игорем и отправили в ближайшую лавку за специями. И я поняла, что Фомин жаждет говорить с Димкой с глазу на глаз. У них были какие-то трения в связи с последней совместной работой, и настало, видимо, время выяснить отношения.

Мы с Аленой на своей помощи не настаивали и отправились к озеру, о котором я рассказывала Леше. Оно было небольшим, круглым и очень красивым. Местные относились к нему с мистическим предубеждением и предпочитали другие водоемы, благо в окрестностях их хватало, а мы, проезжая мимо, всегда окунались в удивительно чистую воду, и долго потом хранили в себе ощущение силы и покоя.

Середина озера казалась слегка выпуклой и серебрилась, как ртуть, берега, поросшие лесом, отражались в воде и круто уходили в зеленую глубину, и лишь в двух или трех местах над поверхностью природа образовала плоские небольшие площадки, присыпанные песком. Это были вполне полноценные пляжи. А тот, куда мы спустились, даже оканчивался деревянными мостками, где сидел дед и рыбачил. В ведре уже трепыхались три здоровенные рыбины, на которые рыбак поглядывал с нескрываемой нежностью.

– Ничего себе, экземпляр! – замирая от восторга, воскликнула Алена. Я не ожидала, что она увлекается рыбалкой, и с изумлением воззрилась на нее.

Дед крикнул от удовольствия, встряхнул ведерко, но, проследив за взглядом Алены, насмешливо хмыкнул. Я тоже посмотрела направо.

В десяти метрах от нас, засунув руки в карманы и слегка покачиваясь на носках, задумчиво созерцал озерную гладь высокий широкоплечий мужчина с длинной красивой стрижкой

и седой прядью в шевелюре. На нем были джинсы и грубый свитер, на щеках – трехдневная щетина.

Мужчина повернул голову, скользнул безразличным взглядом по Алене, задержался на мне... Слегка вздрогнул и вновь сосредоточил внимание на воде.

Я его сразу узнала, и меня окатила волна жара, а потом в груди стало пусто и холодно.

– Это наш доктор! – сообщил развеселившийся дед.

Но небритый красавец меньше всего походил на провинциального врача.

– И какие же болезни он лечит? – недоверчиво спросила Алена.

– Разные, – лаконично объяснил рыболов.

– У тебя что болит? – заторопилась Алена. – У меня, вроде, печень, поджелудочная и что-то в груди щемит. А ты, по-моему, жаловалась на суставы?

Дед заржал:

– Ничего вам, девки, не обломится! У него жена есть, в Париже живет, пару раз сюда приезжала. По-русски – ни бум-бум!

У меня почему-то оборвалось сердце.

– Что же это за отношения? – не унималась Алена. – И как они объясняются?

– А зачем в семье объясняться? – искренне удивился дед. – Муж да жена и без объяснений знают, откуда дети берутся. И, вообще, скажу вам из личного опыта: лучше всего, когда жена немая или иностранка.

Похоже, новый знакомый с лихвой вкусил брачных прелестей.

– А что же доктор в Париж не едет? – продолжала приставать Алена.

– Поедет! – отрубил дед и свернул удочки.

На пляж спустились Жора с Алексеем и сообщили, что скоро будем обедать.

Алена пошла наверх, Жорка принялся швырять камешки в озеро, а Леша обнял меня и зашептал в самое ухо, что Фомин ему не понравился, и с ним следует быть настороже.

И вдруг я заметила, что небритый врач с нескрываемым интересом наблюдает за нами. Встретившись со мной взглядом, он отвел глаза и погрузился в прежнее меланхолическое состояние. А спустя пару минут перестал раскачиваться и ленивой походкой двинулся к тропинке. Огибая нас, с любопытством покосился на Алексея.

«Хорошо, что такие мужчины не в моем вкусе» – уныло подумала я, и с изумлением обнаружила легкую дрожь в коленях. Организм вопреки моей воле на странную встречу и сообщение мудрого аборигена о парижанке реагировал самым постыдным образом.

Порезвившись на пляже, наша троица двинулась на запах шашлыков.

На площадке под старым дубом исходил синеватым дымком мангал, а рядом оживленно беседовали Фомин и загадочный врач-универсал. Возле них, торжествующе поглядывая по сторонам, болталась Алена. Сорина нигде не было. Увидев нас с Лешей, незнакомец почему-то заторопился.

– Возвращайся скорее! – крикнул ему вслед Фомин.

Доктор кивнул и легкой рысью направился к гостинице. Со стороны автостоянки показался Димка с бутылками в руках.

Я кивнула в сторону исчезнувшего красавца и, стараясь казаться спокойной, поинтересовалась:

– Кто это?

– Военный врач, нейрохирург, я с ним в Чечне познакомился на съемках, – нехотя отозвался Фомин. Подошедший Сорин криво усмехнулся. Фомин зло взглянул на него, но промолчал.

– А что он здесь делает?

– Отдыхает, – отрезал Игорь. – И консультирует медперсонал местной больницы.

Первые шашлыки были готовы и Алексею поручили снять пробу: он собирался уезжать, а отпускать парня голодным коллектив не хотел. А потом мы с Димкой пошли провожать его до машины. Они обнялись, а я протянула Алексею коробочку с кольцом, которую таскала с собой в сумке. Он извлек из нее перстень, надел мне на палец, прикоснулся к руке губами и тихо произнес:

– Ничего не говори, считай кольцо подарком ко Дню рождения. А если передумаешь и решишь принять предложение, я тебе новое подарю!

– Все-таки выгодно иметь с тобой дело! – восхитилась я.

А Димка сокрушенно покачал головой:

– Ты развиваешь в женщинах дурные наклонности: корыстолюбие и склонность к капризам!

Алексей рассмеялся, поцеловал меня, и через минуту его машина скрылась за кортами. Издали раздались призывные вопли Жорки, мы с Димкой переглянулись, вздохнули и побрели к мангалу. Компания душу не грела и я предложила:

– А давай рванем в «Нестерку»!

– А давай! – согласился Сорин.

«Нестерка» был ресторанчиком в паре десятков километрах, где всегда подавали свежее пиво и копченых угрей. Но едва Димка распахнул дверцу тойоты, как на плечо ему опустилась рука.

– Мы, кажется, знакомы? – приятным баритоном осведомился хирург, незаметно оказавшийся рядом. Он переоделся и был гладко выбрит.

Димка обернулся, замешкался, охнул:

– Олег?! Ты что тут делаешь?

– Отдыхаю, – рассмеялся Олег. – А ты, как я понял, на съемках?

Сорин кивнул:

– А я-то думаю: о ком это из Чечни Фомин вспоминает?

Олег хмыкнул и вопросительно посмотрел на меня.

– Моя подруга и коллега Лиза, – спохватился Димка.

Я растерянно улыбнулась и подала руку. Олег медленно склонил голову и поцеловал ее, задержав взгляд на кольце. Сердце мое замерло, щеки вспыхнули.

Сорин изумленно наблюдал за мной.

– А это мой старый фронтовой товарищ Олег Роднин, – он попытался дать мне возможность прийти в себя.

– Куда же вы направляетесь? – спросил Олег, делая вид, что не замечает моего замешательства. И я была благодарна ему за это.

– Решили поужинать, – признался Димка.

– А шашлыки вас уже не устраивают? Или смущает коллектив?

Олег засмеялся и признался Сорину:

– Я увидел тебя из окна и понял: если немедленно не спущусь, вы слиняете! Чуть ногу не подвернул!

Димка закрыл машину, и мы направились к мангалу.

Шашлыками занималась, в основном, Алена, а сибарит Фомин и лентяй Жора их с аппетитом поглощали. За широким пнем, изображавшим стол, царили уныние и скука, и своим появлением мы внесли свежую струю в захиревшую компанию. Олег и Сорин сразу же взяли кулинарию в свои руки, Алена просияла при появлении Роднина, распустилась, как черный тюльпан, и принялась помогать им.

Я стащила с одного из шампуров на тарелку мясо, налила в стакан вина, подошла к обрыву и залюбовалась пейзажем.

– Вы надолго сюда? – раздался вдруг за спиной голос Олега. И в груди у меня снова образовалась пустота, как при быстром спуске с горы на лыжах.

«Черт, – со злостью подумала я, – да что же это со мной происходит? Надо срочно брать себя в руки! Не хватало еще влюбиться в женатого мужика!»

– Не знаю, – дала я исчерпывающий ответ и застыла с вилок у рта.

Олег, видимо, решил продолжить светскую беседу и учтиво осведомился:

– Что, шашлык жесткий?

– Мягкий, – отозвалась я и, сунув в рот большой кусок мяса, принялась с усилием его жевать.

– Сейчас нож принесу, – пообещал Олег и направился к столу, а я перехватила холодный настороженный взгляд Фомина.

В следующий момент он вцепился в рукав Роднина и принялся что-то ему втолковывать. Олег освободил руку, вручил Димке нож и, кивнув в мою сторону, произнес несколько фраз. Сорин взял полбутылки вина, стакан, зелень, подошел и скомандовал:

– Сними с плеч куртку и брось на траву!

Я расстелила куртку, мы уселись, Димка отобрал у меня тарелку и принялся нарезать мясо.

– А то Роднин сообщил, что ты сейчас подавишься, – объяснил он.

Я обиделась:

– Кто же такие шматы на шампур надевает? А Роднин твой пускай о других заботится!

Димка с интересом посмотрел на меня, но ничего не сказал. Мы выпили, и я спросила:

– Какая кошка между тобой и Фоминым пробежала? Вы из-за последней работы собачитесь и ненавидите друг друга?

– Если бы! – хмуро отозвался Сорин. – Все намного хуже. Французы решили снимать фильм о выдающихся документалистах на постсоветском пространстве, и в их список попал Фомин. Попал, и черт с ним! Но иностранцам нужен образ негибаемого борца с несправедливостью и отчаянного парня, прошедшего горячие точки! А фильм о Чечне снимали мы с Шуриком, да еще знакомый британский стрингер Фомину кадров накидал. Сам же он в это время дегустировал вино у друзей в Тбилиси.

– Постой, – прервала я, – но по Евроньюс показывали его на передовой, да и Олега он откуда-то знает?

– Правильно. За сутки до приезда иностранных журналистов в Чечню его по распоряжению отцов-командиров доставили на наш блокпост на специальном вертолете. Там он познакомился с Олегом, потом всю ночь квасил, а утром, измученный лицом и телом, встречал зарубежных коллег и даже что-то им объяснял, как бывалый вояка. С ними же и улетел восвояси.

– Да фиг с ним, чего ты так переживаешь, – удивилась я, – фильм-то получился хороший, да и времени с тех пор прошло немеряно!

– Да мне бы наплевать на все это, если бы не одно обстоятельство: Фомин сюда приехал, имея, как Владимир Ильич, две программы: «максимум» и «минимум», – с досадой объяснил Сорин. – В соответствии с первой, я должен рассказать в кадре о его беззаветном мужестве на фронтах гражданской войны, – это ему надо для имиджа, бабок и дальнейшей карьеры. Ну, а если не соглашусь, то обязан помалкивать и не мешать тем, кто на это решится.

– Вот свинья! – искренне возмутилась я. – А возле Олега чего он вертится?

– Я не спрашивал, но думаю, с той же целью. Но Роднин на это не пойдет. Я видел его в деле: он парень смелый, даже храбрый и на своей шкуре испытал, что пережили те, кто там был. И плести небылицы о вымышленных подвигах какого-то авантюриста не станет.

– А какая разница между смелостью и храбростью?

– Смелость может быть безрассудной, одноразовой, случайной и даже спьяну, – пожал плечами Димка. – Ну, а храбрость – это стабильное умение владеть собой в моменты наивысшей опасности.

– И все это – про Роднина?

– Все поразились его хладнокровию, – кивнул Сорин. – Ему многие ребята жизнью обязаны.

– Дима, – вдруг спросила я, – а Роднин хороший нейрохирург?

– Международное светило.

– Что же он на блокпосте делал? Перевязывал раны?

– И это тоже. Однажды, рассказывали, даже операцию провел в полевых условиях.

– Но чем он там постоянно занимался?

– С ребятами общался, при допросах боевиков присутствовал, поскольку арабский знает, оборону держал вместе со всеми.

– А не кажется ли тебе это странным? Насколько я понимаю, нейрохирургия – это высший пилотаж, и держать классного специалиста в качестве переводчика и санитара – полнейший бред! По-моему, даже в полевом госпитале ему делать нечего: там просто не может быть нормального оборудования для операций его профиля.

– Я не задумывался над этим, – признался Димка. – И действительно: всех тяжелораненых в тыл отправляли на вертолетах!

Вид у него был озадаченный.

– Ладно, отыщем истину, – успокоила я Сорина. – Ты мне лучше скажи: Фомин со своей Надеждой в официальном браке состоит?

– Конечно! – удивился Димка. – Более того, у него имидж верного, любящего мужа.

– Так зачем он Алене голову морочит? Ведь она не верит, что у него штамп в паспорте уже есть!

– Думаешь, только Алене? – усмехнулся Димка. – Помнишь, осенью избитый ходил, лицо – сплошное сине-багровое месиво? И вся пресса, в том числе, зарубежная причитала, что это работа спецслужб, о которых он снял разоблачительный фильм?

Я кивнула:

– Только, по-моему, ничего разоблачительного в нем не было, там лишь эффектно подавались банальные истины о ЧК и НКВД.

– Вот именно, – подтвердил Димка, – хотя Европа скушала. Но самое забавное, что били Фомина не спецслужбы, а муж и брат любовницы, заставшие их в постели! А умные люди посоветовали ему повернуть этот факт себе на пользу.

– Вдвойне свинья! – с негодованием заявила я и рассмеялась, представив, как голого трусливого Фомина гоняют по спальне двое разъяренных мужиков. – Кстати, он знает, что ты об этом тоже знаешь?

Сорин кивнул, а это значило, что Фомин ему будет мстить. Если же Димка откажется его пропихать в картину, то месть удвоится и во что выльется, неизвестно.

Подошел Олег с дымящимися шашлыками. Я смутилась и очень разозлилась на себя за это. Отказалась от дополнительной порции, поднялась, сообщила, что хочу спать, и стала откланиваться. Алена обрадовалась, поскольку оставалась вне конкуренции, Игорь тоже почему-то вздохнул с облегчением.

– Погодите, – попросил Роднин, – еще рано, успеете выспаться!

– Единственное, что меня могло бы удержать, – это бокал холодного брют, – зачем-то брякнула я и с достоинством удалилась.

На крыльце не выдержала и оглянулась. Олег и Сорин смотрели мне вслед и о чем-то тихо беседовали.

В номере я приняла душ, надела симпатичный льняной балахон под названием туника и нанесла на лицо маску из листьев украденной на пикнике петрушки.

Стемнело. Я включила телевизор и улеглась в постель. Спустя какое-то время в коридоре раздались мужские шаги и затихли возле самой двери. Я решила, что это Сорин, и приготовилась встать, чтобы отпереть. Но стука не последовало. Заскрипели половицы и шаги стали удаляться. Минут через пять снова слышались. Мужчина постоял под дверью и медленно пошел в другую сторону. Из коридора потянуло сладковатым табачным дымом.

Сгорая от любопытства, я поднялась, отперла дверь и выглянула: напротив распахнутого окна спиной ко мне стоял Роднин и курил.

– Вы что-то хотели? – окликнула я его.

Олег резко обернулся, щелчком отбросил сигарету и быстро подошел:

– Я хотел пригласить вас на бокал брюта.

– Что-о? – изумилась я. – Откуда он у вас?

– Это не важно, – сказал Роднин. Синие глаза его ярко блестели и в упор смотрели на меня.

– Но я не при параде и собиралась ложиться...

– Так никого, кроме нас, не будет, а я вас без макияжа уже увидел, – успокоил он, достал ключ из скважины, запер дверь снаружи и потащил меня за руку на третий этаж.

– Вот только давайте это уберем, – Олег извлек из кармана платок и вытер остатки петрушки на моем лице. Я смутилась.

На столе действительно стояло шампанское, два бокала, тарелка с конфетами и фруктами. «Слава Богу, свечей нет, – подумала я, а то намек был бы очевиден».

Олег повернул ключ в двери и откупорил бутылку. Через пять минут я уже чувствовала себя совершенно свободно. Роднин был превосходным рассказчиком, побывал в экзотических местах, помнил много смешных историй, и я слушала их, раскрыв рот. Он знал Конфуция, индийских мудрецов, и говорил об их учениях доступно и увлекательно.

Я спохватилась, когда пробил час ночи, поблагодарила за вечер и стала прощаться. Олег пошел провожать. А когда я дотронулась до ключа в скважине, положил руку мне на плечо и тихо попросил:

– Останься!

Голос у него дрогнул, и я задохнулась, ощутив мятный холодок в груди. И с ужасом поняла, что ожидала этого слова с самой первой встречи! Заглянула ему в глаза, – и осталась.

II

Спала я крепко. Проснулась внезапно и не сразу поняла, где нахожусь. С улицы доносился шорох дождя, в комнате было сумрачно и прохладно, пахло табачным дымом.

Я повела глазами: напротив распахнутого окна темнел силуэт высокого мужчины в джинсах. Он смотрел куда-то поверх деревьев и курил. И я сразу все вспомнила.

– Тебя дым разбудил? – не поворачивая головы, спросил Олег.

– Просто вставать пора, – пробормотала я.

В голосе Роднина сквозил холодок, и меня это обескуражило.

– И куда же ты собралась? – поинтересовался он.

– У меня съемки...

– Какие съемки, когда дождь на дворе? – удивился Олег. – Даже я, непрофессионал, понимаю, что при такой погоде снимать нельзя.

– Ну, почему же нельзя? – вяло парировала я. – Можно дождь запечатлеть, можно в помещении поработать...

– Так позвони ребятам, пусть пару планов снимут! А что тебе одной в номере делать? Или боишься жениха потерять? – холодно усмехнулся Олег. – Так от меня он ничего не узнает!

Это было оскорбительно, но я сдержалась и спокойно парировала:

– Вообще-то, я тебя не хочу подставлять, чтобы твое семейное благополучие не разрушилось.

На лице Роднина отразилось недоумение:

– О чем ты?

– О твоей французской жене.

– А! – протянул он. – Я не женат. Просто женщина попала в сложное положение, а я ей помог. Видно, какие-то слухи и поползли.

Я не поверила своим ушам!

– Но когда мы сплетничали возле мангала, Фомин сказал, что она развелась?

– Это ее дело, я тут не причем. Видно, мужа разлюбила, поэтому и развелась. Хотя, если честно, еще вчера я готов был на ней жениться.

– А сегодня?

– А сегодня нет.

– Из-за меня? – робко спросила я.

– Не увлекайся, – одернул Роднин. – Не из-за тебя, и не ради тебя, а благодаря тебе. Просто понял вдруг, что свобода – не меньшая ценность, чем жизнь, и не стоит ею разбрасываться.

И, помолчав, процедил сквозь зубы:

– А твое сердце, насколько я понял, занято?

Если бы речь шла о другом мужчине, я бы не потерпела такого тона. Но в словах Роднина сквозила горечь, и это было странно.

В дверь громко постучали, и раздался голос Фомина:

– Олег, открой, поговорить надо!

– Я сплю, – спокойно отозвался Роднин.

– Но я сегодня уезжаю! Или ты не один?

– В котором часу уезжаешь?

– Наверное, после шестнадцати.

– Тогда успеем пообщаться, я сам к тебе зайду.

– Или ты все-таки не один? – не унимался Фомин.

Олег усмехнулся и покачал головой:

– Игорь, я сплю, потом поговорим!

Еще пару минут Фомин бился в дверь, как раненый голубь, потом затих.

– Ну, что решила? Остаешься? – обратился ко мне Роднин. – Хотя понимаю: изменить жениху перед самой свадьбой...

– По-моему, произошла ошибка, – сухо сказала я. – Тебе следовало пригласить на шампанское поборницу нравственности, если эта категория вообще употребляет спиртные напитки. С нею бы мог всю ночь вести душеспасительные беседы! Ты ведь на самом деле этого хотел? И у тебя совесть осталась бы чистой: легче всего хранить женскую честь, когда на нее никто не покушается. А при подобном раскладе вряд ли у кого-то из представителей твоего пола возникли бы греховные побуждения!

Олег засмеялся:

– Спасибо, конечно, за совет, но я слишком испорчен для этого, мне от женщины другое нужно.

– Тогда изначально определись в своих целях, а то напоминаешь мужика, который вечером снимает девицу, а утром объясняет, как она плохо поступила. Кстати, если мне захочется покаяться или исповедаться, я обращусь к священнику, а не к тебе.

– Здорово ты меня! – покрутил головой Олег. – Ну, что ж, поделом, нечего лезть в чужую жизнь, да еще настолько бесцеремонно. Прости, не хотел обидеть.

Он докурил сигарету и предложил:

– Давай сделаем так: ты идешь в душ, а я на добычу пищи, потом варим кофе и завтракаем.

И, вздохнув, пробормотал:

– В конце концов, надо довольствоваться малым, если нет возможности получить все. Хотя я лично за то, чтобы ни с кем не делиться!

– Не поняла?

– И не надо. В ванной в стакане новая зубная щетка красного цвета и чистое полотенце на крючке.

– Так ты был уверен, что я останусь?!

– Конечно, – бодро подтвердил Роднин, – я всегда вожу с собой новые зубные щетки, чтобы снимать таких ночных бабочек, как ты. Для женщины зубная щетка – лучшая приманка после шампанского!

Он подмигнул, застегнул джинсовую куртку и сообщил:

– Запру тебя снаружи, а иначе кто-нибудь из братьев-киношников обязательно вломится, и уж тогда точно твоя личная жизнь пойдет под откос!

Олег исчез, а я, зевая, поплелась в ванную. Спустя полчаса мы одновременно появились в комнате. Роднин долго ковырялся в замке, затем, пыхтя и роняя свертки, боком протиснулся к столу и вывалил все принесенное на него.

– Здорово! – восхитился он при виде тюрбана из полотенца на моей голове. – В тебе появился восточный шарм!

– Да, – скромно призналась я, – моя неотразимость в любом виде давно уже подмечена мужчинами. Особенно после душа!

– И у многих ты его принимала? – прищурился Олег.

– Не считала, – отрезала я, – но если для тебя это важно...

И тут на пороге возник Фомин. Окинул нас недобрым взглядом, побагровел, подскочил ко мне и вцепился в рукав:

– Ты все же ночевала здесь?!

Олег с досадой взглянул на дверь, шагнул вперед и крепко сжал его запястье.

– А ты что, к ней в евнухи нанимался? – холодно осведомился он.

Фомин с усилием вырвался и, потирая руку, пригрозил:

– Я руководству видеоцентра доложу, чем занимаются наши творцы на съемках!

– О чем доложишь? – ласково переспросил появившийся на пороге Сорин.

Игорь с ненавистью посмотрел на него и стремительно вышел.

– Чуть с ног не сбил! – пожаловался Димка. – Олег, отчего он так болезненно на твои похождения реагирует? По-моему, это ревность!

– Какая ревность! – возмутился Роднин. – Моя знакомая из Парижа продюсирует съемки документальной картины, где будет рассказываться о Фомине. И он считает, что мои романы с другими женщинами могут помешать ее работе, а, значит, его будущей мировой славе и появлению новых заказчиков. Но вы не волнуйтесь, я с ним сейчас поговорю, и слух этот дальше не распространится!

– А кого он, собственно, должен волновать? – меланхолично поинтересовался Димка, разворачивая пакеты.

– Лизу, – в голосе Олега сквозило недоумение.

– Лизе по барабану любые слухи, а этот тем более, – сообщил Сорин, отрезая себе ломоть сыра. Олег вопросительно взглянул на меня. Я кивнула. Он пожал плечами:

– Тогда на секунду выйду и позвоню Полине в Париж, постараюсь опередить Игоря. Я ей ничего не должен, но женщины непредсказуемы. А мне не хочется заниматься разборками, особенно сейчас.

– Ты с ней на французском общаться будешь? – поинтересовался Димка. – Тогда можешь звонить из комнаты, мы с Лизаветой его не понимаем.

Роднин отошел к окну и через пару минут дозвонился до Парижа. Судя по выражению лица, переговоры оказались более сложными, чем предполагалось.

– Надо же, – растерянно пробормотал он, выключив сотовый, – и это притом, что я ей ничего не обещал... А Фомина убью!

– Хочешь, объясню, что у меня в номере воды не было, и пришлось воспользоваться твоим душем? – благородно предложила я, хотя на душе кошки скребли.

Димка захохотал. А Олег дико взглянул на меня и зло сказал:

– Полагаешь, я самостоятельно не могу разобраться в своей жизни? В конце концов, сам виноват, не надо было доводить до этого. А теперь давайте завтракать.

Он сварил кофе, все сели за стол, но настроение у меня было безнадежно испорчено. Я попыталась рассказать Сорину, как утром зашла к Олегу на кофе, а тут внезапно нагрязнул Фомин... Но тот с таким непередаваемым юмором посмотрел на меня, что пришлось заткнуться. Странно, но, похоже, Димка благосклонно отнесся к моим ночным подвигам. Мне же после визита Игоря и разговора Олега с Парижем стало неуютно. И я поняла: чтобы сохранить лицо, нужно немедленно ставить точку в новом романе. Тем более, что он, в сущности, и не начинался.

Сорин подал чашку, я стряхнула с волос полотенце и, дуя на кофе, отошла к окну.

Поблескивающие, как струны, струи наискосок перерезали пространство, а сверху подрагивал и шевелился, словно медуза, прозрачный живой купол... Я сроду ничего подобного не видела!

– Ребята! – закричала я и обернулась, удивленная тишиной.

Роднин и Димка, застыв с чашками в руках, во все глаза смотрели на меня.

– Что? – нервно спросила я, ничего не понимая.

– Лизка, ты обалденно выглядишь в проеме окна! – восхищенно прошептал Сорин.

– Да вы на небо взгляните! – воскликнула я.

Олег подошел, притянул меня за плечи и молча уткнулся лицом в волосы. Сердце его билось громко и часто. А я, вырываясь, с отчаяньем повторяла:

– Да посмотрите же на небо, вы когда-нибудь видели такое?

Притопал Димка, взглянул в окно, пожал плечами и пошел допивать кофе.

Я снова посмотрела вверх, но набежала туча, и живая сфера исчезла.

– Видели купол? – с отчаяньем повторила я.

– А? Что? – рассеянно пробормотал Олег. – Конечно, большой такой!

И поцеловал меня в макушку.

– Черт! – закричала я. – И о чем вы только думаете?!

– Успокойся, – посоветовал Димка. – Роднин точно о тебе думает, а я обо всем понемножку. Например, о том, как ты классно будешь выглядеть в кадре с распущенной гривой. Можно сделать пару крупных планов в руинах на контровом освещении, и дать закадровый текст о трагическом финале великой любви!

– Мужики, – тихо спросила я, – вы зачем в депутаты и на разные высокие должности лезете, если все проблемы решаете одним – единственным местом, а головы у вас вроде рудиментарных отростков?

– Во дает! – удивился Димка. – Олег, не знаю, как ты, но я обиделся. Да вы бы нас сами со свету сжили, если бы мы из-за вас свои рудиментарные отростки не теряли!

Роднин улыбнулся, выглянул в окно, примирительно сообщил, что купол ему очень понравился, и повел меня к столу. Я стряхнула его руку с плеча и мрачно заявила:

– Спасибо за гостеприимство. А тебя, Сорин, жду через полчаса у себя в номере!

И под невнятные язвительные реплики покинула компанию. В номере переоделась, подкрасилась и поставила на подзарядку сотовый. Потом села в кресло и задумалась.

Я не обольщалась по поводу наших отношений с Олегом: это был всего лишь банальный командировочный роман. Так к нему и следовало относиться. Такой потрясающий мужик наверняка имел кучу любовниц в каждом городе, и я для него стала очередной и очень легкой победой. Смущало только одно: собственная сумасшедшая реакция на этого парня, которая возникала помимо воли при каждом его появлении.

«Ну, уж нет, фигушки, – предупредила я судьбу, – больше твои фокусы не пройдут, хватит с меня и одного раза! Если уж очень постараться, можно будет с этим справиться, в крайнем случае, возобновлю отношения с Алексеем!»

Я набрала Лешку, но у того мобильник был выключен.

В дверь постучали, и в комнату шагнул Сорин.

– Ну, что, займемся конкретикой? – добродушно предложил он.

– А где Олег? – неожиданно для себя поинтересовалась я.

– Выясняет отношения с Фоминым, – отмахнулся Димка, – но ты в это не вмешивайся!

Я достала копии трех карт здешних мест, которые перед самым отъездом удалось раздобыть у знакомого историка, и разложила на столе. Они принадлежали разному времени: одна из них насчитывала не менее шести веков, вторая относилась к началу пятидесятих годов прошлого столетия, а третью, примерную, интуитивно составил сам историк, утверждая, что именно так здешняя местность выглядела более двух тысяч лет назад. И если он прав, то самой древней должна была считаться именно она.

– И чем этот парень руководствовался, когда работал над ней? – удивился Димка.

– Историческими и геологическими данными, которые использовал по типу мозаики.

– Это как?

– Примерно так же, как Менделеев составлял свою периодическую таблицу. До него несколько похожих вариантов изобрели зарубежные ученые. Но они не предусмотрели такой малости, как неоткрытые химические элементы, которые должны были занять ячейки между теми, что уже были известны.

– То есть, историк что-то домыслил?

– Скорее, исходил из того, что появилось на карте впоследствии. Любая местность обладает своими, только ей присущими метафизическими свойствами. И там может появиться только то, что должно появиться.

Я почувствовала на щеке чье-то дыхание, и с удивлением обнаружила за спиной Олега, который незаметно просочился в номер.

– Напугал? Извини! – кротко заметил он, с любопытством рассматривая карты.

– Нашел Фомина? – поинтересовался Димка.

Олег отрицательно мотнул головой: – Исчез куда-то.

– У него инстинкт самосохранения сильно развит, – засмеялся Сорин.

– Так что ты там о метафизике рассказывала? И где это вычитала? – спросил Роднин.

– Нигде, – сердито сказала я, – мы с Виктором к такому выводу пришли.

– А кто у нас Виктор? – ласково уточнил Олег.

– А это один чудак, непризнанный гений, с которым ее Алексей познакомил, – объяснил Димка.

– Раз гений, значит, признают, – обнадежил Олег. – А, вообще, что-то в этих рассуждениях есть. Мне знакомый священник рассказывал, что на местах разрушенных храмов всегда возникают новые, даже если там долго были бассейны или распаханное поле. А на кладбищах можно только хоронить, а не строить, потому что иначе покойники станут живых забирать. И карты одной и той же местности, составленные в разное время, всегда это подтверждают.

Я так и не поняла, всерьез он говорит или нет. Но карты действительно сбивали с толку. На той, что была вычерчена шесть столетий назад, среди леса за озером гордо высился красный кирпичный замок, по двору, выложенному плитами, гуляла дама, шурша шелками, а в тенистой беседке на берегу пруда, замирая от сладостного восторга, ее ожидал мужчина. Вдалеке на холме светилась белыми стенами церковь, еще пахнувшая краской, и под колокольный звон к ней тянулась череда людей в светлых льняных одеждах. Ну, а озеро было безлюдно. Несмотря на зной, местный люд избегал его, и лишь пара отчаянных мальчишек украдкой от взрослых бултыхалась в ленивой воде.

На послевоенной карте не было ни замка, ни церкви, лишь руины, озеро и деревенька недалеко от него. Но самым загадочным было изображение, составленное историком по наитию: вместо княжеского дворца располагалась окружность из огромных камней, на месте озера – то ли крепость, то ли небольшой город, а между ними какие-то странные полужасыпанные колодцы. Но я уже видела их на другой карте, о существовании которой ребята не догадывались.

– Эй! – Олег дотронулся до моего плеча. – Дима, она часто впадает в транс?

– Постоянно – с готовностью сдал меня Сорин. – Не в транс, так в депрессию, не в депрессию, так в творческий экстаз!

– Весело тебе с ней! – констатировал Роднин.

Я восприняла диалог, как мелкую мужскую месть, и предложила:

– Лучше найдите в этих трех копиях хотя бы пару отличий, умники!

Мужики перестали хрюкать и перемигиваться и погрузились в созерцание.

– Ну, понятно, – сказал Олег, – на авторской карте отсутствуют замок и озеро. Но для этого не обязательно быть гением, можно просто воспользоваться местными легендами. Хотя абрис озера, как бы, очерчен штрихами...

– Ты, наверное, не поверишь, но Виктор здесь ни разу не был, – холодно заметила я.

– Я тебя умоляю, – фыркнул Роднин, – оставь подобные доводы для первоклассников! Он что, Интернетом не пользуется? И руины вместо замка и церкви на последней копии тоже естественны!

Рассуждения Олега были логичны, и я спорить не стала, хотя имела в рукаве сногшибательный козырь. Но обнародовать его было рано: народ еще не созрел для этого.

Я присмотрелась к картам более внимательно: то ли из-за небрежности составителя, то ли по объективным причинам они отличались и рельефом. Правда, совсем немного.

Послышалось сдавленное хихиканье. Я подняла голову, и с моей макушки свалилась пилотка, сложенная из бумажной салфетки и водруженная туда парой перезрелых оболтусов.

– Она всегда такая сосредоточенная? – давясь от смеха, спросил Роднин.

– Всегда! – радостно отпартортовал Димка.

«Ладно, – мстительно подумала я, – хорошо смеется тот, кто смеется последний!» И, замирая от близости Олега, поклялась избавиться от подобной унижительной реакции своего организма. А еще добиться, чтобы Роднин впадал в транс при одном моем появлении!

На дворе по-прежнему лил дождь, планы из-за погоды рушились, и Сорин позвонил Жоре. Они посовещались, переговорили с видеоцентром и решили: Жора отдыхает два дня вместе с нами и уезжает на новый проект, а Димка снимает весь фильм с самого начала. А параллельно, заканчивает прежнюю работу, благо ничего, кроме красивой натуры, для нее больше не нужно. На вечер наметили веселый ужин в «Нестерке», потом я турнула гостей, сделала пару звонков и отправила восвояси Олега, который вернулся и настойчиво скребся под дверь. Тот был обескуражен, а я, торжествуя, подумала, что мой план, похоже, начинает срабатывать. Но как же мне хотелось его впустить!

Обедать решила в гостиничном кафе. Там было уютно и малоллюдно.

Ко мне за столик напросился загорелый симпатичный мужчина с умным веселым взглядом. Он оказался ученым, археологом, и находился в Ружевицах проездом.

– Я специально изменил маршрут, чтобы заехать сюда, – объяснил он. – Здесь весьма любопытные курганы.

– Знаю, древние славянские захоронения, – кивнула я.

Ученый как-то странно посмотрел на меня: – А вы уверены в этом?

– Они взяты на учет, находятся под охраной государства, – пожала я плечами.

– А вот у меня, знаете ли, есть некоторые сомнения на этот счет, – задумчиво сказал археолог.

Курганы меня не интересовали, а он хотел быть любезным и пытался найти подходящую тему.

– А про озеро что-нибудь знаете? – помогла я парню.

– Вы о местной легенде? Я ее слышал и полагаю, что рациональное зерно в сей чудесной истории есть.

– Интересно, что там было задолго до того, как образовалось озеро? Еще до города? – легкомысленно заметила я. – Может, отверстие в земле, куда потом и провалилась крепость? Вроде шахты или колодца?

Археолог пожал плечами и вдруг застыл:

– Вы имеете в виду каменную карту? Вы ее видели?!

Я растерялась: об артефакте знали лишь мы с Виктором, да еще пара человек, которые никогда бы не проговорились. Господи, кто же меня за язык-то тянул?

– А вы точно знаете, что есть такая карта?

– Если на нее нанесены шахты, тогда это самая древняя карта здешних мест. Где она?! – и ученый впился в меня взглядом.

Но тут в кафе появилась до боли родная компания и, громко отпуская шуточки, направилась к нашему столику. И я подумала с досадой: «Как же все-таки мужиков развращает безделье!»

– Ваши друзья? – спросил археолог. И торопливо добавил:

– Я уезжаю завтра. Вот моя карточка, позвоните, пожалуйста!

Но визитку ловко перехватил Роднин.

Ученый поднялся, отвесил общий поклон и удалился. Я отняла у Олега карточку, а Сорин недовольно буркнул:

– Кто это?

– А это гениальный археолог, которого к нам прислал Леша! – ерничая, обнародовал информацию из визитки Роднин.

– Взрослые мужики, а вести себя не научились! – процедила я. – Стыдно за вас, поэтому в «Нестерку» без меня езжайте!

И под идиотские замечания удалилась в номер. Посмотрела телевизор, поклонялась по комнате, а потом завалилась в постель и сразу уснула. И снился мне африканский оркестр из одних барабанов, на которых стучали Олег, Сорин и Жора.

Был летний вечер. Разноцветные лампочки светились в кронах деревьев, фланировали нарядные пары, а я испытывала невероятный стыд за дикую какофонию, которую издавали оркестранты. А когда Сорин разулся и принялся бить в барабан туплей, залезла в кусты и заткнула уши.

Меня растолкали перепуганные ребята. Они выкляли ключ у дежурной и сумели проволокой вытолкнуть тот, что торчал в скважине изнутри. В первый момент их испуг сменился негодованием. Но, увидев мой неменяемый взгляд, мужики растерялись.

– И часто с ней такое случается? – тихо спросил Олег у Димки. Тот лишь пожал плечами.

– Не нужно шептаться, – сердито сказала я. – Подумаешь, крепко уснула! Я сегодня полночи не спала!

Роднин внимательно посмотрел на меня, сел на кровать, взял мою руку и принялся считать пульс. Потрогал лоб и вздохнул:

– Собирайся на ужин, не стоит тебя одну оставлять!

Я и сама ощущала: со мной происходит что-то неладное, но списывала все на расшатанные нервы.

Ребята вышли, я собралась и спустилась во двор. Дождь прекратился. Ветер срывал с ветвей холодные капли, было холодно и неудобно.

В ресторан отправились на Димкиной тойоте, благо гаишников в радиусе тридцати километров не предвиделось. Жора устроился на переднем сиденье, мы с Родниным сели сзади. Меня познабливало. Олег снял куртку, накинул мне на плечи и прикоснулся губами к уху:

– С утра хотел спросить: ты давно со своим женихом знакома?

– Три месяца. А зачем тебе? – удивилась я.

Он наморщил лоб, производя нехитрые вычисления:

– Так это произошло незадолго до нашей встречи в кафе? И ты туда к нему на свиданье бежала?

«Выходит, он меня запомнил?!» – и душа моя преисполнилась ликования. Но я мстительно сообщила:

– Да нет, именно в тот вечер я с ним и познакомилась.

Роднин слегка отпрянул:

– Это как? Он же следом за мной выходил?!

– А потом вернулся, – торжествующе заявила я.

Олег помолчал и вежливо поинтересовался:

– То есть, если бы я тогда не спешил и возвратился первым, то мог оказаться на его месте?

Я пожала плечами, и лицо его стало каменным. Через десять минут тойота подрулила к ресторану.

В длинном зале, обшитом деревом, было людно, и звучала зарубежная эстрада конца прошлого века. Наша компания заняла столик у входа. Роднин и Димка сели спиной к двери, мы с Жорой – напротив. Я попросилась к окну.

Заказали пива, водки, охотничьих колбасок и копченых угрей. Еда была отменной, ребята травили анекдоты и рассказывали смешные истории. Становилось жарко, и я попросила открыть окно. На улице стояла темень и лишь на кирпичной башне вспыхивали какие-то

огоньки. Я удивилась, потом решила, что так и должно быть, но в душе появилось тревожное чувство, а в организме – ощущение дискомфорта. А, может, мне просто показалось?

Ребята же оттягивались по полной программе. Димка с Олегом развеселились и заявили, что я должна танцевать с ними по очереди, а иначе они станут плясать друг с другом самым неприличным образом, и мы с Жорой сторим со стыда. Меня стало клонить в сон, и я отбрыкивалась, как могла. Глаза Роднина лихорадочно блестели, и Сорин с тревогой поглядывал на него. Вдруг зазвонил мой сотовый.

– Тихо! – приказала я. Это был Сергей, друг и коллега Леши.

– Лиза, – растерянно сказал он, – ты только не волнуйся, но с Лешкой беда: он разбился! Мне стало плохо.

– Как? – хрипло спросила я. – Когда? Почему?

Ребята затихли и удивленно воззрились на меня.

– Вчера вечером по дороге из Ружевиной попал в автомобильную аварию.

– Он жив?!

– Жив, но состояние тяжелое. Он сейчас в больнице, в реанимации.

– Господи, – прошептала я, – ну, зачем я позволила ему ехать с нами?! В какой он больнице?

– Лиза, – мягко сказал Сергей, – не убивайся так: его состояние стабильное. А здесь тебе делать нечего, ты ему все равно ничем не поможешь. Да и мы все на месте. Так что работай, а я буду держать тебя в курсе.

И отключился.

– Что? – спросил Димка. И я рассказала. А потом стала метаться и требовать, чтобы меня немедленно везли в город. Олег наблюдал за мной, и насмешливые глаза его теплели.

– Набери-ка этого парня и дай мне трубку! – потребовал он.

Я набрала. Олег задал несколько вопросов, потом позвонил кому-то и долго беседовал. Отдал сотовый и сообщил:

– Говорил со знакомым профессором из больницы, где находится твой жених. По его словам, серьезной опасности нет, все будет в порядке. По крайней мере, для этого сделают все возможное. А тебе там действительно появляться не стоит, тебя к нему просто не пустят. Если хочешь, съездим вместе через неделю, и я профессионально с врачами поговорю.

– Олег, спасибо тебе огромное! – я схватила его руку и стала трясти, едва сдерживая слезы.

Роднин растерялся:

– Да будет тебе! Я же ничего не сделал.

В глазах его появилась тоска, он налил полстакана водки и залпом вылил. И тут опять зазвонил сотовый. Предполагая худшее, я дрожащими руками поднесла его к уху.

– Ну, что? – послышался голос Азazelо. – Предупреждали тебя, чтобы не ехала в Ружевиной? А теперь получай жениха-калеку! Если немедленно не смотаешься оттуда, получишь вместо жениха труп!

– Я тебя, сволочь, обязательно достану, и тогда Бога будешь молить, чтобы сдохнуть быстрее! – дрожа от ярости, пообещала я. Тот хрюкнул от неожиданности и сразу же отключился. Олег, видимо, тоже не ожидал столь мощного накала чувств и смотрел на меня с изумлением.

А я рассказала ребятам о звонке с угрозами:

– Мне показалось, что это розыгрыш, но, выходит, я полностью виновата в том, что случилось с Лешкой!

Они пару минут переваривали сказанное, потом Сорин заметил:

– То, что ни словом не обмолвилась о звонке, конечно же, скверно, но я бы тоже его всерьез не воспринял. Но почему для кого-то так нежелательно твое присутствие здесь?

Олег покачал головой:

– Либо тебе нужно уезжать отсюда, либо необходимо найти разгадку случившегося. А то, не дай Бог, произойдет несчастье, как с твоим женихом... Лично я себе этого никогда не прощу!

– Да что ты заладил: жених да жених! – вдруг взвился Сорин. – Алексей не жених Лизе, она ему отказала. Они просто друзья.

Роднин опешил:

– Но я сам из окна видел, как они целовались, и он ей кольцо на палец надел! И Фомин об этом же говорил...

– Везет тебе, Лизавета, на любознательных мужиков! – с досадой сказал Димка. – Ну, что за манера из окон подглядывать? И какие выводы можно при этом сделать? Алексей ей кольцо на день рождения подарил! Неужели так странно, что нормальная женщина и нормальный мужчина сохранили после разрыва нормальные отношения?

Олег перевел растерянный взгляд с Сорина на меня и судорожно сглотнул. И тут до него дошло, что это правда.

– Черт! – с отчаяньем воскликнул он. – О, черт!

Вынул из кармана мобильник и быстро вышел. Димка с Жорой принялись что-то сосредоточенно обсуждать, я пыталась вникнуть в суть дискуссии, но это удавалось с трудом, поскольку очень хотелось спать.

Вернулся Роднин и отрывисто сказал:

– Не волнуйтесь, Алексея через полчаса доставят в надежное место, где его никто не найдет.

– А уход? – с трудом сформулировала я волновавшую меня мысль.

– Возле него будут высококласные врачи, – успокоил Олег.

И, присмотревшись, добавил:

– Ребята, да она совсем спит! Пора уходить.

– Только не спрашивай, как часто с ней это случается, – сердито пробурчал Димка. – Все ненормальности с Лизкой стали происходить года три-четыре назад.

– Любопытно, – протянул Олег, извлекая меня из-за стола.

Мы вышли во двор. Было темно и мокро. Я подняла воротник и предложила:

– Номер этого гада не определился, но если еще позвонит, объясню, что Лешка мне не жених, и его оставят в покое!

– А вот этого делать не надо, – твердо сказал Роднин, запихивая меня в машину. – Пока они считают, что могут тебя шантажировать, пусть ищут Алексея, а мы выиграем время.

– А навестить его я смогу?

– Даже не думай, – вмешался Сорин, вырывая на дорогу, – иначе засветишь Лешкины координаты.

И добавил задумчиво:

– То, что ультиматум предъявляют тебе, объяснимо: ты выбирала место для съемок и можешь заменить его другим. Непонятно другое: почему сразу взялись за Лешку, а не попытались физически надавить на тебя, чтобы была посговорчивее?

– Итак, у нас две загадки, – резюмировал Жора. – Почему нас хотят отсюда выжить? И откуда такая гуманность по отношению к Лизавете?

– И разгадывать их станем завтра, – заявил Олег. – А сейчас помогите доставить даму ко мне в комнату.

Я слабо запротестовала, но Сорин прикрикнул:

– Не сопротивляйся, там тебе будет безопаснее. Ты же из-за своей летаргии даже на помощь позвать не сможешь!

Каким-то образом меня переправили на третий этаж и заволокли в комнату, где я сразу же с удовольствием отрубилась.

III

За окном трещала косилка, пахло скошенной травой, и я приоткрыла веки. Солнечный свет просачивался сквозь влажные ветви и разливался по комнате. А на краю кровати сидел тщательно выбритый Роднин в легком светлом костюме и сосредоточенно считал мой пульс. Я улыбнулась и попыталась снова впасть в сонное состояние.

– Долго еще притворяться будешь? – насмешливо спросил Олег. – Я же знаю, что ты проснулась!

Я вздохнула и открыла глаза:

– Что ты вколол в меня вечером? Я помню огромный шприц!

– Шприц был нормальный, а «вколол» я в тебя успокаивающее, чтобы не проснулась среди ночи и не стала буйствовать.

– А ты где спал?

– Под дверь на коврик, – отрезал Роднин. – Что за идиотские вопросы? Лучше ответь, почему вчера утром не объяснила, что вас с Алексеем ничего, кроме дружбы, не связывает?

– А ты спрашивал? И какая, в сущности, разница? – удивилась я.

– Нет, ты все-таки ненормальная, – вздохнул Олег. – Я же весь день доставал тебя из-за этого и едва сдерживался, чтобы не нахамить!

– Считай, что это тебе почти удалось, – успокоила я. – Но я не нахожу связи между твоим дурным воспитанием и моими чувствами к Алексею? Ты попросил остаться и был рад, что я согласилась. Что же утром-то изменилось?

Олег с недоумением разглядывал меня секунд десять, потом решил растолковать прописные истины:

– Видишь ли, мы по натуре собственники и не терпим соперников рядом. Но бывают моменты, когда забываем об этом, а потом вспоминаем опять.

– То есть, ночью тебе было не до соперника, а наутро ты вдруг о нем вспомнил? – ехидно уточнила я.

– Вроде того, – смутился Олег. – Но не нужно меня винить, у всех мужиков психология такая. Утром представил себя на месте Алексея, и мне стало не по себе, особенно после того, как ты меня отбрила. Я еще подумал: «Вот это цинизм!» А вечером в ресторане увидел твою реакцию на аварию и решил, что ты его по-настоящему любишь. И то, что произошло между нами, не более, чем глупость или слабость с твоей стороны. Реакция на шампанское. И во всем виноват я, выступив в роли змея-искусителя. Не могу сказать, чтобы мне это польстило. А когда Сорин растолковал, что к чему, удивился: «Ну, и зачем надо было меня мучить и провоцировать на колкости? Почему сама все не объяснила?»

– Не ожидала, что встречу столь ранимую натуру, – холодно заметила я. – Мы взрослые люди, хорошо провели время, какие могут быть ко мне претензии? И какая разница, кто и где у меня есть? Я же у тебя отчета не требую! Встретились и разошлись. Какие проблемы? Почему не можем остаться друзьями? А за душевным комфортом – это не ко мне, я тебе его не обещала!

Олег опешил. А, придя в себя, съязвил:

– Это у тебя хобби такое – переводить любовников в разряд друзей?

– А ты против?

– Против!

– Ну, это твои проблемы!

– Ладно, – поразмыслив, спокойно сказал Роднин, – я вчера вел себя отвратительно, так что прости. Но на это были причины: я не мог понять твоих отношений с Алексеем и поэтому дергался. Ты не похожа на женщину, которая, любя одного, остается с другим, и я был сбит с толку. Впрочем, давай эту тему пока оставим. Лучше ответь на несколько вопросов...

Но тут зазвонил его сотовый, и Олег отошел к окну.

«Вот и все, – грустно подумала я, – проблема разрешилась сама собой!» Такой концентрации себялюбия, эгоизма, собственнических инстинктов и патриархальных взглядов я не встречала ни у одного мужчины! И это были совсем не те качества, которые мне нравились.

Но у меня холодели кончики пальцев, когда он меня касался... И голова кружилась, когда он смотрел на меня. И что было со всем этим делать? Но я бы скорее удавилась, чем пополнила конный строй дам, которые наверняка без усталости гарцевали перед его насмешливыми глазами! «Главное, не поддаваться эмоциям, – напредила я себе, – иначе опять это плохо кончится. И, вообще, он совсем не в моем вкусе!»

Роднин закончил разговор и снова присел на кровать:

– Новости об Алексее: ему лучше, скоро пойдет на поправку. Так что не волнуйся, все будет хорошо!

И снова теплая волна признательности к этому странному и, в сущности, постороннему человеку нахлынула не меня.

– А теперь поговорим о тебе, – Олег был непривычно серьезен. – У тебя ушибы головы случались?

– Случались. Стукнули однажды по причине чрезмерного профессионального любопытства.

– И что?

– Если ты имеешь в виду потерю сознания и последующие головные боли, то это было.

– Томографию головного мозга делала?

– Никогда! Я вообще к врачу не обращалась.

– То есть, сотрясение перенесла на ногах?

– Выходит, что так.

– Ты хоть понимаешь, что тебе необходимо срочное медицинское обследование?

– А почему – срочное?

– Видишь ли, – Олег тщательно подбирал слова, – я наблюдал вчера эмоциональную вспышку во время телефонного разговора, и мне показалось, что это более органично для тебя, чем то малахольное состояние, в которое ты периодически впадаешь. Приступы сонливости часто бывают? Сознание теряешь? Депрессии накатывают?

Я нехотя сообщила, что сознание пару раз теряла. В сон клонит, порой, в самых неподходящих местах, и тогда едва удерживаюсь, чтобы не зарыться в сугроб или кучу опавших листьев. Иногда бывают приступы озноба. А депрессии случаются часто, и я их боюсь смертельно.

– И что это, по-твоему? – спросила я у Олега.

Тот пожал плечами:

– Откуда я знаю? Может, инфекция в организм попала, может быть, малярию подхватила... Но я склоняюсь к двум другим вариантам. И, чтобы установить первый, нужна госпитализация

– О первом не надо, – остановила я его, – надеюсь, он не подтвердится.

– Я тоже надеюсь, – согласился Олег, – и полагаю, что причина все же кроется в психике.

– Это как? – испугалась я.

– А вот сейчас и попробуем разобраться, что, как и почему? Сорин считает, что изменения с тобой стали происходить года три-четыре назад. Не помнишь, что тогда случилось?

– Да, вроде, ничего.

– Хорошо. Тогда ляг удобнее и полностью расслабься.

– Будешь гипнотизировать? – с опаской спросила я. – А где блестящий предмет перед глазами?

– Меньше телевизор смотри, – засмеялся Олег. – Есть уйма других способов.

Он поправил подушку, положил правую руку мне на лоб, левой сжал запястье и тихо, но требовательно сказал:

– А теперь спать!

Я не слышала, произносил ли он еще какие-то заклинания, почувствовала необычайную легкость и закачалась на теплых морских волнах.

... Четыре года назад у меня выдалась свободная неделя, и я решила провести ее в Крыму. В Симферополе случайно познакомилась со старожилом, который вызвался подвезти в пункт назначения. Нам было по пути, и я уселась в «газель», груженную хозяйственным инвентарем. Но по дороге в безлюдной местности с машиной что-то случилось, и хозяин предложил провести пару дней в рыбацкой хижине на берегу моря. «А я поеду к механику, который живет неподалеку, и завтра или послезавтра отвезу вас на место!» – пообещал он. Мне было все равно, где купаться, и я согласилась.

Старенький деревянный дом стоял на высоком берегу над самым морем. Меня поселили в мансарду, а на первом этаже жила компания отдыхающих с Северного Кавказа: то ли чеченцев, то ли осетин, я так и не поняла. Четверо мужчин и женщина приняли меня сдержанно, но без неприязни. Два дня я плавала, загорала и практически с ними почти не встречалась. А потом приехал давешний водитель на своей «газели» и отвез меня к родственникам знакомого журналиста, где намечался мой отдых.

Я открыла глаза: – Ну, что?

– Пока ничего, – сказал Олег, – поэтому продолжим.

– А разве я не должна все забыть?

– Зачем? Милая, повторяю: меньше смотри телевизор! Общая картина восстановилась, примемся за детали. Почему ты вдруг вспомнила тот период? Думаю, именно тогда что-то произошло, после чего изменился твой организм. Напрягись: может, ела или пила что-нибудь необычное, пробовала наркотики, незнакомые сигареты?

– И пила, и курила, и ела все непривычное, вот только наркотики не употребляла.

– Таблетки? Лекарства? Уколы? Хотя откуда все это в заброшенной хижине!

Я замерла:

– Олег, а ведь мне там прививку сделали!

Роднин недоуменно поднял брови:

– Среди чеченцев был врач? И зачем тебе прививка понадобилась?

И я рассказала, как утром распорол плечо о ржавый гвоздь:

– Он торчал из доски, стоявшей у самой двери. Накануне вечером ее там не было. Бородатый чеченец промыл и прижег йодом рану, а потом посоветовал сделать укол против столбняка.

Я продемонстрировала Олегу шрам на плече.

– Дальше, – потребовал он.

И я поразилась: передо мной был не избалованный красавец, а умный волевой человек и, судя по всему, блестящий специалист. Он излучал такое тепло, такую надежность и силу, что даже самые тяжелые больные должны были у него выздоравливать. «Но как же в одном теле могут уживаться столь разные личности? – удивилась я. И решила: – Наверное, только параллельно, никогда не пересекаясь!»

– А дальше он отвел меня в полевой госпиталь на холме, где и сделали прививку.

– Какой полевой госпиталь? – удивился Олег.

– Откуда я знаю? Стояла в чистом поле палатка цвета хаки с красным крестом снаружи, а внутри сидели люди в белых халатах: двое мужиков и женщина.

– А рядом населенные пункты были?

– Да нет же, кроме хибары, ничего поблизости не располагалось!

Роднин холодно смотрел на меня:

– Но как же ты, журналистка, повелась на эту липу?

– Ну, почему липу? – возразила я. – Они сказали, что через несколько дней начинаются учения, а госпиталь разбили заранее и на досуге оказывают медицинские услуги населению!

– А население, стало быть, – обитатели хибары?

– Наверное.

– Население с тобой не делилось, часто ли обращалось в госпиталь?

– Если я верно поняла, то каждый из них за последние дни хотя бы раз прибегнул к услугам врачей.

– С травмами?

– Да, там везде валялись гвозди, стекла и острые камни. И это казалось необычным для такого уединенного места, где давно ничего не строили. Кстати, со мной забавная история приключилась: женщина-врач пыталась убедить меня, что я какая-то Руфина Мухамеджанова или Магомеджанова, точно не помню!

– На самом же деле, так звали женщину-чеченку, которая жила с тобой в доме?

– Откуда ты знаешь?

– А где она находилась в то утро?

– За ней накануне пришла машина: кто-то из родственников заболел.

– Ты координаты свои врачам оставила?

– Да, женщина записала на всякий случай. А мужчины, по-моему, русским не очень владели, хотя и на кавказцев похожи не были. А, может, просто общаться не желали.

И тут я вспомнила странную внешность водителя «газели»! То есть, он ничем не отличался от других, но в этом-то и была странность: лицо словно подстраивалось под тех, с кем он общался, и запомнить его было практически невозможно... Будто и не лицо это, а живая, все время меняющаяся маска. И поэтому мне было не по себе рядом с ним... А еще у него на пальце был золотой перстень с черным плоским квадратным камнем... И какая-то гравировка на нем...

И я вздрогнула: похожее кольцо недавно мелькнуло перед глазами, когда мне почудилось, что за мною следят! Или «призрак» так глубоко засел у меня в подсознании, что сейчас мерещится черт те что?

Я покосилась на Роднина, но решила ему ничего не рассказывать. К моему состоянию это, похоже, не имело отношения, а остальное его вряд ли волнует. Решит еще, что у меня проблемы с психикой, и прощай любовь: какому врачу охота крутить роман с ненормальной? Разве что с профессиональной целью!

Олег задумчиво смотрел на меня, барабанил пальцами по столу.

– И что ты думаешь обо всем? – осторожно спросила я.

– Ничего хорошего, – сказал он. – Я склоняюсь к версии, что твое нынешнее состояние спровоцировал препарат, который тебе ввели. Но что это было? Для противостолбнячной сыворотки такие последствия не характерны, поэтому следует рассматривать несколько вариантов. Первый: это был совершенно новый ее вид, оказывающий сильное побочное действие, который испытывался на твоих соседях, скорее всего, без их ведома. И второй: под видом сыворотки использовалось психотропное средство, которое должно было вызвать определенную реакцию у подопытных. Так что все эти гвозди и стекла кто-то там разбросал не случайно. И, вообще, очень умно ставить эксперименты на уединенной группе людей, возможно, скрывающейся от закона. А, может, психологическому воздействию они подвергались с определенной целью, причем, в несколько этапов, и ты случайно вклинилась в чужую игру. В любом случае, тебя нужно обследовать, взять хотя бы кровь на анализ. Следов препарата найти не надеюсь, но в ее составе могут быть изменения.

– Олег, – взмолилась я, – давай оставим все на потом. Первые анализы потянут за собой другие, процесс затянется, и раньше отпущенного срока я сойду в могилу. Ты даже не представляешь, какую аллергию вызывают у меня клиники, поликлиники и люди в белых халатах!

Роднин рассмеялся:

– Спасибо, что проговорила: когда дойдешь любовными приставаниями, начну приезжать на свидания в белом халате и с огромным шприцем! Ладно, в больницу, пожалуй, и впрямь успеешь, а пока я попробую убрать барьер, который тебе все время приходится преодолевать.

Он отодвинул кровать от стены, встал в изголовье, медленно развел руки, сделал глубокий вдох и положил ладони мне на лоб, слегка сжав виски. И сразу же от них заструился приятный жар, который стал заполнять мой мозг, и я опять закачалась на упругих морских волнах...

А когда очнулась, ощутила такой необычный прилив сил, что захотелось смеяться от радости! Я обвела комнату глазами и увидела Олега в кресле возле распахнутого окна. Он погасил сигарету, подошел и присел на кровать:

– Ну, как?

– Я спала?

– Не более получаса.

Роднин выглядел утомленным, под глазами – тени...

– Олег, я никогда в жизни не чувствовала себя так хорошо!

– Вот и прекрасно. Но это временно, тебя все равно нужно обследовать.

– А что ты делал в Чечне? – неожиданно для себя спросила я.

Роднин внимательно посмотрел на меня и пожал плечами:

– Я же врач!

– Скажи еще, что операции на блокпосте проводил!

– И это было.

– А как здесь оказался?

– Приехал.

– Зачем? Только не говори, что на рыбалку!

Роднин усмехнулся:

– Что ж, придется, видимо, кое-что объяснить. Только давай перенесем разговор на другое время: Сорин тоже имеет право знать правду. Пожалуй, мы даже сможем помочь друг другу. Вы, насколько я понял, здесь бывали? Местность хорошо знаете? Среди населения знакомые есть, которые вам доверяют?

Я кивнула.

– Вот и отлично! А то я даже элементарной информации раздобыть не могу: народ, вроде, доброжелательный, а задаю элементарные вопросы, – молчат все, как партизаны! Ну, что, спрашивается, в деревне скрывать? Как-будто в лесах засекреченный космодром спрятан! Никогда такой деревни не видел.

Ответить я не успела. Раздался легкий стук, и на пороге возник Димка.

– Ну, как ты? – заботливо спросил он.

– Отлично! Ты даже не представляешь, как мне Олег помог!

– Тогда чего валяешься? – возмутился Сорин. – Уступи место страждущему, он же всю ночь у постели дежурил!

– Олег?!

– Ну, не я же!

– Да брось, – смутился Роднин, – я дремал в кресле.

– Ну, конечно! Я трижды заходил, и каждый раз он твой пульс считал!

– Хватит! – сердито буркнул Роднин. – Я днем спать не собираюсь!

– Как знаешь, – пожал плечами Сорин. – А куда на рассвете мотался? Чья машина за тобой приходила?

– Да так, по окрестностям... – уклонился от прямого ответа Олег. – В город съездил за сигаретами. А машина... Здесь с оказией знакомый один оказался, подвез туда и обратно.

Димка бросил на него острый взгляд, но допрос прекратил и повернулся ко мне:

– Лизавета, я тебе благую весть принес, вернее, она сейчас сама прилетит!

Дверь распахнулась, и в комнату, раскинув руки, влетел Шурик Русецкий. Я завизжала от радости и ринулась в его объятия! Роднин с веселым изумлением наблюдал за встречей. Потом добродушно заметил:

– Может, оделась бы сначала?

На мне почти до колен болталась его рубашка.

Я взвизгнула и нырнула под одеяло. Мужчины расхохотались. Я, как и многие, обожала Шурика! А Шурик отвечал такими же чувствами лишь избранным, хотя и старался быть вежливым со всеми. Но мы с Сориным входили в ограниченный круг его самых близких друзей.

– Ты как здесь оказался? – с восторгом спросила я. – И, главное, почему?

– Стреляли! – объяснил он, усаживаясь на кровать. – А приехал на перекладных, привез вам реальные заказы на рекламные ролики для двух турагентств. Обещали хорошо заплатить!

Выяснилось, что Русецкий закончил монтаж документальной ленты, озвучка по графику намечалась не скоро, и свободное время он решил провести рядом с нами в тишине и покое, среди пастбищ, коров и прелестных пастушек. В общем, сплошная аркадия с парным молоком на губах.

– Не знаю насчет пастушек, но знакомый дед пастух у нас появился, можем познакомиться, – предложил Сорин. – Между прочим, большой любитель сала!

– Вечно ты все опошлишь, – поморщился Шурик. И, как бы, между прочим, добавил:

– Что-то местность эта нездоровую реакцию вызывает, а, вернее, ваше присутствие здесь. Вот я и подумал, что могу пригодиться в случае чего.

Мы с Димкой переглянулись: его приезд становился понятен. Тема требовала обсуждения, но не сейчас.

А Шурик вспомнил:

– Кстати, шеф-повар местного кафе приглашает бесплатно ужинать до конца съемок. Сегодня будут драники и отбивные, а спиртное за наш счет. Олег, вы в доле!

– Вот спасибо, – засмеялся Роднин, – а то уже думал, что помру с голода!

– С чего бы такое гостеприимство? – удивился Сорин.

– А я подарил повару папин рецепт сочного куриного филе.

Это была фишка старого Русецкого.

Мы любили бывать у Шурика дома. В его покойной маме, как и в большинстве из нас, мирно уживалась, а, порой, бурлила и сталкивалась кровь самых различных национальностей. А папа был чистокровным голубоглазым и пухлым евреем. Каждому из гостей под строжайшим секретом он сообщал, что на самом деле его зовут не Михаил Яковлевич, а Мардохай Янкелевич, целовал локотки дамам, отвечивал затейливые комплименты и каждую третью приглашал замуж. В этом не было ни грана пошлости, и даже непривлекательные женщины чувствовали себя в его присутствии загадочными красавицами. Женская красота сводила его с ума, и он учил ребят открывать ее: «Правильные черты и ноги от ушей – это для юнцов и невзыскательных олигархов. Ищите изюминку, и тогда рядом с вами окажется королева!» В отличие от многих представителей своего пола, он считал, что истинная женщина должна быть не только хороша собой, но и умна.

А еще папа Русецкий изумительно готовил, и каждому гостю дарил рецепты своих фирменных блюд. Про куриное мясо говаривал: «Не бывает сухого филе, бывают плохие хозяйки!» Чтобы грудки истекали соком, их следовало замариновать в майонезе на пару часов, а можно

и на сутки, затем бросить на раскаленную сковороду без масла, и жарить ровно по три минуты с каждой стороны. После чего на десять минут оставить на сковороде, накрыв крышкой, а затем посолить и поперчить.

Я, как всегда, творчески подошла к процессу и добавляла в майонез специи, лимон и чеснок, а на сковородку – немного масла, и даже жарила маринованное филе в кляре. Эффект был тот же, и гости от блюда приходили в неизменный восторг!

В гостиничном меню курица занимала почетное место, поскольку дичь поставлялась в кафе с птицефабрики, расположенной возле Ружевиной, причем, по дешевке. Учитывая, что здесь периодически оттягивались чиновники и бизнесмены местного разлива, горячую благодарность шеф-повара можно было понять.

– Вы хоть завтракали? – поинтересовался Шурик.

И, прочитав ответ в глазах оголодавшего Олега, удивленно добавил:

– Ну, вы, ребята, дайте, ведь уже обедать пора!

– Некогда было: он меня гипнотизировал, – объяснила я.

– Вечно с тобой хлопоты, – с досадой заметил Сорин, – Роднина бы хоть пожалела! Олег, пойдем с нами, а ты быстренько одевайся и спускайся в кафе. Там заодно и поговорим: тема наметилась интересная.

На улице буйствовало солнце и, мучаясь угрызениями совести по поводу неоправданного безделья, я через двадцать минут спустилась в кафе. Ребята уже сделали заказ и тихо беседовали.

– Ну, вот, из-за меня такой день пропал, – покаялась я.

И с энтузиазмом добавила:

– Беру повышенные трудовые обязательства!

– Уймись, – поморщился Димка – Мы с Русецким кое-что уже сняли. Помнишь сценплан фильма? Одна из намеченных точек – деревня Тростники, где мы сегодня и побывали. И вернулись оттуда весьма озадаченными.

IV

...Упомянутая деревня располагалась в широкой низине среди болот, поросших по краям тростником. История ее уходила вглубь веков, изобилуя фактами чудес и необъяснимых явлений.

В седой древности, как гласят предания, дружина мелкого князька, а по другой версии группа немецких рыцарей, неизвестно откуда взявшихся среди трясины, напала ночью на мирных жителей, оказавших врагам героическое сопротивление. Но их все— таки перебили, а тела утопили в болотах. И о жестокости нападавших, не пощадивших стариков и младенцев, до сих пор бродили смутные слухи. Непонятной оставалась цель карательной акции. Добыча? Однако речь шла не о богатом городе... По одной из версий, дошедшей до наших дней, причина была следующая.

В Тростниках жили люди, наделенные мощнейшей энергетикой и даром предвидения, которые не только предугадывали будущее, но и формировали его, изменяя текущие события. Но однажды они что-то там изменили и сформировали невпопад, за что и понесли страшную кару. Для карателей собственные действия тоже оказались чреватые: на протяжении столетий самый красивый, здоровый и умный потомок каждого из них погибал жуткой, мучительной смертью.

Легенда смахивала на мистический триллер, растянутый во времени. Но периодически в Тростниках селились люди, и всякий раз их убивали пожары, войны, разбойничьи набеги...

Последнюю попытку обжить деревню пресекли гитлеровцы, которым приглянулось плато в окружении болот. Они устроили там концлагерь. А после войны было принято решение воздвигнуть на его месте обелиск в память замученных мирных жителей и военнопленных. Насчитали более полумиллиона жертв, и тут случился казус: по всем данным немцы уничтожили лишь половину указанной численности. Стали разбираться и обнаружили еще более крупную неприятность: вторую половину расстреляли в Тростниках до войны сотрудники НКВД. Расстреливали методично и постепенно. Но, хуже всего, что нашелся свидетель этому – местный житель, чудом уцелевший по малолетству во всех передерягах.

Возведение обелиска отложили, так как, в соответствии с логикой, рядом с памятником жертвам нацистов должен был появиться и монумент в память убиенных доблестными чекистами. А это уже пахло шизофренией. Поэтому на месте гибели полумиллиона людей установили, якобы, временно, огромный валун, клеймящий проклятый фашизм, а не умевший держать язык за зубами очевидец был найден в озере, распухший и посиневший. Официально он утонул в нетрезвом состоянии. Но люди шептались об убийстве, тем более, что перед смертью свидетеля видели в компании крепкого нездешнего мужика.

Вся эта информация копилась в моем мозге в течение нескольких лет, и я ее кратко изложила ребятам.

– Самое невероятное, что «проклятие Тростников» распространилось на потомков местных стукачей и чекистов, виновных во многих смертях: почти все они утонули в разное время в Зеленом озере.

– А, может, это вендетта, объявленная убийцам детьми и внуками убиенных? – предположил напряженно внимавший мне Шурик. – И такая легенда им на руку? Ее просто стоило выдумать! Не знаешь, когда она появилась? Может, совсем недавно, и ее искусственно «составили», как подделку старинной картины известного мастера?

– Вряд ли, – покачал головой Сорин, работавший со мной над большинством программ. – Мы консультировались с историками и литературоведами, и те уверены в ее подлинности.

– И потом, – задумчиво добавил Олег, – если это месть, длящаяся более полувека, то речь нужно вести о группе маньяков, тщательно планирующих свои действия. А это нереально.

– А с чем вы столкнулись сегодня в Тростниках? – с любопытством спросила я.

– Там устроили свалку, – сообщил Димка.

– Как – свалку?!

– Ты не ослышалась: именно свалку, и весьма необычную.

Сорин владел темой, и ему можно было верить.

Освещая судьбы социальных слоев в переломный период, мы с ним когда-то в сопровождении милиции объездили все городские свалки. Без стражей порядка их обитатели, как минимум, разбили бы камеру, а так нас принимали как желанных гостей. Или делали вид, что рады.

Среди бомжей встречались прелюбопытные личности с затейливыми и необычными судьбами. На одной свалке мы познакомились с трудовым коллективом, создавшим коммерческую структуру «Искатель». Название отражало юмор организаторов, собиравших цветные металлы. В сущности, они занимались этим и раньше, но рамки цивилизованной капиталистической структуры обязывали: добытчики держались особняком и отличались чувством собственного достоинства. Среди них были капитан дальнего плавания, актер-расстрига, кандидат математических наук, бывший таксист, художник, профессиональный вор и пара непримечательных личностей. Они многое испытали, прекрасно разбирались в людях и были отличными рассказчиками.

В конце нашего общения капитан заявил:

– А теперь учитеесь грамотно металл сбывать, салаги! Пивные банки мягкие, их плющат, и много дохода от них не ждите. А вот баллоны из-под спреев выгодны, их нужно развинчивать, набивать песком и снова завинчивать: вес увеличится в несколько раз!

И показал, как это делается.

– А нам-то зачем? – удивилась я.

– Не зарекайся, милая, – сурово оборвал морской волк, – в жизни бывает даже то, чего не бывает. А так хоть на хлеб заработаете!

Милиционеры ржали.

– Так чем свалка в Тростниках примечательна? – спросила я у Димки.

– Там нет пищевых отходов и прочих издержек человеческой жизнедеятельности, а просто сгружен и равномерно распределен на территории какой-то хлам.

– Может, это производственный мусор с соседнего предприятия?

– Да нет же, – с досадой сказал Сорин. – Такое впечатление, что пустыми металлическими и пластмассовыми емкостями специально прикрывали какую-то площадь. Мы попытались разгрести в одном месте, а там, под хламом – свежевспаханная земля.

Я с недоумением взглянула на Шурика, тот кивнул.

– И, главное, – продолжал Димка, – рядом – ни одного бомжа, хотя есть чем поживиться! То есть, свалка создана совсем недавно, возможно, всего за несколько дней.

– Сбрасывать мусор в таком месте – вообще, нонсенс, – удивленно протянул Роднин. – А под ним, оказывается, еще и раскопки вели... Выходит, что-то искали? Но что?

– А вдруг это трупы репрессированных выкапывали, чтобы сбалансировать количество жертв? Ну, чтобы оставить лишь тех, кого немцы замучили? – озвучила я гениальную мысль, внезапно пришедшую в голову.

Мужчины перестали жевать и уставились на меня.

– Олег, по-моему, ты ее перегипнотизировал, – заключил Сорин и снова принялся за еду.

– Или, наоборот, что-то прятали. К примеру, тела погибших в криминальных разборках, – не унималась я. – Тогда нужно выяснить, откуда мусор, и где недавно произошли убийства или бандитские стычки!

Ребята переглянулись.

– А ведь в этом что-то есть, – произнес Роднин, одобрительно глядя на меня.

– Похоже, я поспешил с выводами, – согласился Димка. – Просто она после твоих процедур слишком быстро соображать стала и выстреливает все подряд, что приходит в голову, не фильтруя. Возможно, действительно в Тростниках что-то прячут, учитывая, что посетителей в последние годы там почти не бывает.

Мы допили кофе и Сорин, вставая из-за стола, объявил:

– Погода хорошая, и у нас по плану съемки на хуторе возле графских развалин. Лиза едет со мной, Шурик и Олег – по желанию. Если нет иных планов, будем рады вашему обществу.

Роднин взглянул на часы и сказал, что ему нужно кое с кем встретиться, поэтому увидимся вечером. И я неожиданно для себя расстроилась. Шурик заявил, что поедет с нами. А Димка вдруг спросил:

– Фомин с Аленой, видимо, слиняли вчера по-английски, но кто-нибудь Жору сегодня видел? Он же собирался еще день здесь побыть, и только завтра отчалить на съемки нового фильма?

Но никто не встречал Лисовского со вчерашнего вечера.

– Зачем ему за нами таскаться, если свой трудовой процесс впереди? Оттягивается где-нибудь на природе, – предположила я.

Димка кивнул, и мы направились к машине. Но тут у Шурика зазвонил сотовый.

– Бедный Юрик, – прокомментировал он, глянув на номер. Так по ассоциации с шекспировским Йориком телевизионщики величали нового директора видеоцентра. Он обладал абсолютно голым черепом, а злые языки утверждали, что и содержимое его идентично содержимому черепной коробки истлевшего литературного героя.

Народ не считал это худшим вариантом, поскольку предшественником Бедного Юрика был профессиональный патриот и полковник в отставке, совершенно невменяемый Саша Бешеный. Но патриотизм и творчество оказались «вещами несовместными» и тому пришлось срочно ретироваться в депутаты.

Пока Шурик общался по телефону, Олег, слушая нас, от души веселился. А в конце заметил:

– Я-то по наивности думал, что городского Небабу, ставшего после революции музыкальным критиком, придумали Ильф и Петров!

Подошел Шурик с вытянутым лицом.

– Ребята, – тихо сказал он, – Алену Семченко хотели убить. Она в коме.

Олег побледнел, обнял меня за плечи и притянул к себе, словно пытаясь защитить.

– А Фомин? – глухо спросил Сорин.

– Вечером вылетел в Европу.

Мы переглянулись.

Слизывая тени, солнце поднималось к зениту. Становилось жарко.

Некоторое время ребята стояли с растерянным видом, потом Олег твердо сказал:

– Откладываю дела и еду с вами!

– Погоди, – хмурясь, сказал Димка, – сейчас не лучшее время для съемок. Поедем через пару часов.

Роднин покачал головой, отошел в сторону и стал кому-то названивать. Сорин и Шурик принялись что-то озабоченно обсуждать, а я достала сотовый и набрала Ларису Рогову:

– Что там с Аленой Семченко?

Журналистский и особенно телевизионный цех в нашем городе был невелик и те, кто в него входил, знали друг о друге почти все. Рогова сообщила, что Алену нашли перед рассветом на скамейке возле рынка, расположенного в квартале от ее дома. Женщину ударили по голове, затем душили, и врачи были поражены тем, что она выжила. Деньги и ценности остались при ней, и следовательно уверял: нападавшие стремились убить Алену, а не ограбить. Произошло это, по заключению специалистов, с двух до трех часов ночи в совершенно другом

месте, а к рынку ее доставили на машине. Действовали, судя по всему, не дилетанты-хулиганы, а люди, хорошо подготовленные.

– А где Фомин?

– А причем тут Фомин? – удивилась Лариса. – Он позвонил вечером Юрику и сообщил, что его срочно вызывает в Париж продюсер документальной ленты, которая будет здесь сниматься.

– А ты не знаешь, где Игорь провел два предыдущих дня?

– По словам Юрика, писал на даче режиссерский сценарий. Да в чем дело-то?

– Ни в чем, я тебе еще позвоню.

Увидев мое лицо, Димка и Шурик замолчали и направились ко мне. Следом подтянулся Олег.

– Ребята, – сказала я, – нужно срочно выяснить, уехал ли Жора?

Мужчины переглянулись, и Шурик ринулся в гостиницу. Через минуту появился на крыльце и растерянно сообщил:

– Лисовский не уезжал, но его сегодня никто не видел.

– Искать надо, – заявила я. – Давайте прочедем территорию.

– Да объясни, наконец, что случилось? – не выдержал Роднин.

– Потом расскажу, каждая минута дорога. Мы и так уйму времени потеряли.

– С чего ты взяла, что искать нужно здесь? – недоверчиво спросил Димка.

– А помнишь, в котором часу мы вернулись ночью? Куда он мог отправиться, не зная местности и не имея знакомых? А в кафе у Жорки появилась навязчивая идея полюбоваться звездами в разрывах грозовых туч, – он об этом нашептывал весь вечер. Вот и давайте прикинем, откуда лучше всего вести астрономические наблюдения?

Территорию разбили на квадраты, меня попытались определить в помощники к Роднину, но я заупрямилась и предпочла действовать самостоятельно. Минут через двадцать раздался крик Сорина:

– Ребята, сюда!

Я бросилась на голос.

Димка стоял на коленях в густой траве между приземистой хозяйственной постройкой и забором, а перед ним лицом вниз лежал Жора. С другой стороны подбежали Роднин и Шурик. Олег отодвинул Димку, перевернул Жору, опустился рядом и приложил ухо к груди. Через мгновение разогнулся и приказал:

– Шура, бегом в мой номер! В шкафу кожаный саквояж, тащи его сюда! И прихвати полотенце и пластиковую бутылку с холодной водой. Пулей!

Потом достал из кармана записную книжку, полистал и протянул Димке:

– Набери этот номер, скажи, что от доктора Роднина, пусть срочно пришлют «скорую»!

И снова занялся Жорой. Мы не спрашивали, жив ли тот, все было ясно и так. Минут через пять вернулся Шурик с водой и саквояжем, и я опять залюбовалась Олегом, который был невероятно красив и точен в своей профессии. Он сделал Жоре несколько инъекций, затем примчалась «скорая» и увезла того в больницу. Роднин поехал с ним, а следом на тойоте двинулись мы.

В больнице установили: у Жоры черепно-мозговая травма. Предположили, что в темноте он споткнулся и ударился головой о камень, который валялся рядом. Об этом сообщил Роднин, участвовавший в медицинских действиях. Он вышел в коридор в белом халате, серьезный, с цепким, внимательным взглядом, совсем не похожий на того Олега, которого мы знали. Мне показалось, что он всячески пытается скрыть усталость, серой тенью легшую на лицо.

– Жора без сознания, – коротко произнес Роднин, сбрасывая халат на руки молоденькой медсестре, с обожанием внимавшей ему.

Я с изумлением почувствовала укол ревности, хотя эта девочка не могла быть моей соперницей по определению. Олег мельком взглянул на меня:

– Откуда ты знала, что он не уехал?

– Может, поговорим обо всем в гостинице? – предложила я. Съёмки, похоже, накрывались текущим моментом. Медсестричка что-то почувствовала и украдкой рассматривала меня.

Промелькнула яркая блондинка, нарочно задела Олега плечом и бросила в мою сторону вызывающий взгляд. По-моему, он смутился, и мне это очень не понравилось.

В коридор вышел пожилой врач и обратился к Олегу:

– Так вы сделаете операцию, если потребуется?

– Конечно, – кивнул тот, – завтра решим, нужно ли оперировать? Если будут изменения, звоните в любое время!

– Вы чудесник, профессор, – с почтением сказал врач. – Если б сам не увидел, ни за что не поверил бы, что такое возможно!

Дарование Олега блеснуло новыми гранями, хотя мы и не поняли, из-за чего старый доктор пришел в такой экстаз. Роднин засмутился, что-то забормотал и стал поспешно прощаться. В машине я спросила:

– А разве можно оперировать больного в коме?

– По-всякому бывает, – уклончиво ответил Олег, – может, такой надобности и нет. А, вообще, мы завтра попробуем вывести Жору из этого состояния.

Похоже, он собирался удивлять всех и дальше.

– Ты не против, если мы снимаем по дороге? – спросил Сорин, глянув в зеркальце заднего вида.

Я сидела на переднем сиденье и тоже посмотрела туда: лицо Роднина резко выделялось в полумраке, глаза тонули в темных проемах глазниц. Мне стало не по себе.

– А почему я должен быть против? – удивился Олег.

Димка прижал машину к обочине и затормозил.

– А теперь поменяйся с Русецким местами! – приказал он мне.

– Зачем?

– А затем, что до руин замка ехать не менее получаса, и Олег сможет немного поспать. А делать это ему приятнее на твоём плече!

– Да не буду я спать ни на чьем плече! – вспылил Роднин. В его тоне сквозило высокомерие.

Димка ничего не сказал, машина снова тронулась. А я вдруг подумала, что Олег из гордости вряд ли стал бы просить о помощи, даже зная, что умирает. И это следовало учитывать, строя дальнейшие отношения с ним. По крайней мере, так сделала бы любая здравомыслящая женщина, имеющая виды на Роднина. Но я, к сожалению, руководствовалась в любовных историях сиюминутными порывами, даже если они вели к неизбежному краху. Но сейчас меня больше всего занимал вопрос: кто эта блондинка в больнице, которая так эффектно продемонстрировала себя? Неужели у нее какие-то права на Олега?!

V

Через полчаса мы уже были возле старых развалин, которые народ попеременно называл то «графскими», то «княжескими», поскольку замок когда-то переходил из рук в руки.

Солнце садилось, приближалось идеальное время для режимной съемки. Димка с Шуриком стали выбирать подходящий ракурс, а я решила проверить наши с Виктором догадки.

Сзади неслышно подошел Олег и обнял меня. Я стряхнула его руки, направилась в центр двора, выложенного плиткой, и сразу же поймала осуждающий взгляд Димки. Пока искала нужное место, он снял несколько планов и оказался рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.